

Письмоводитель и зайцы

Ответственное задание

Ответственное задание — поручено человеку совсем незначительному. Как это понимать? То ли задание не такое уж важное? То ли скромный письмоводитель значит больше, чем кажется? Или дело необходимо провалить. Письмоводителя Намму, младшего родича дома Конопля, на выходе из Дворца одолели сомнения.

Ты едешь в Западную столицу, сказали ему. С грамотами из Полотняного приказа. Так написано в подорожной, никто не удивится. Конечно, все Государевы указы из Срединной столицы рассылаются по стране со срочными гонцами. Но столица Западная, она же Исконная — место особенное: оттуда пошла вся Облачная держава. Объявить волю Государя устами гонца там недостаточно: нужны подлинники бумаг за собственной печатью Властителя Земель. Их туда доставляют не каждую отдельно, а подборками за полгода-год, без большой торжественности — во избежание излишних слухов. Ларец с грамотами вполне подобает послать с письмоводителем из того самого Приказа, где эти грамоты готовятся и хранятся. Пусть даже чиновнику всего двадцать лет, и прежде он в одиночку вовсе не ездил.

Впрочем, двадцать лет — не так уж и мало. Намма за это время успел: выучиться грамоте и счёту в родных южных краях за проливом; дважды переехать, сначала из отцовского имения в Южную столицу, где осваивал книги древних мудрецов, а потом из Южной — в Срединную. А там готовился к службе и прошёл испытания — поступил сразу на должность письмоводителя, по праву младшего родича Конопляного дома. Ещё успел едва не погибнуть от стрелы мятежника в год смуты, дважды переболеть, но выжить в годы поветрий, влюбиться, жениться, завести двоих детей, отслужить пять лет и трижды удостоиться

чести приветствовать Государя. В Исконной столице на западе он тоже уже бывал, но совсем мальчишкой, и сейчас её почти не помнит. Только смутно: плотное марево над заливом, толстые сваи святилищ и постоянное в те дни чувство, что объелся, но очень уж много вкусного... Устрицы, морские раки, свежие водоросли, никогда больше не доводилось отведать такого. Другие-то столицы от моря далеко.

От дворцовых ворот до намминой городской усадьбы — треть часа неспешным шагом. А быстрее в должностном облачении и не походишь. По Главной площади, что простёрлась от Дворца до самой Южной заставы, а шириною эта площадь — в хороший выстрел. Потом свернуть направо, на Шестую улицу, меж заборами соседских усадеб. Из-за оград виднеются старые деревья и крытые серебристой дранкой высокие крыши. Наммина усадьба — не из самых больших, конечно, но есть и поменьше.

Жарко и сыро, как всегда летом. Ни ветерка.

Даже приятно было бы сейчас съездить к морю, если бы дело сводилось к доставке указов. Но есть ещё одно, главное поручение, которое ни в каких подорожных не значится, а именно: найти Хранителя Государевой Тайны. Который тоже отправился в Западную столицу — и перестал подавать о себе вести. Каких именно вестей ждёт от него господин Асано, глава Конопляного дома, Намме знать не положено. И розыски нужно провести по возможности негласно.

Вообще такими делами Полотняный приказ тоже занимается, наряду с подготовкой Государевых грамот: если какой чиновник ведёт себя необычным образом — его поведение надлежит расследовать и объяснить. И потом принять меры, буде окажется необходимо. Потому приказных чиновников все так и боятся. Но самому Намме такого розыска прежде ещё не поручали. Опытных сыщиков он уже сопровождал. В том числе и под прикрытием — под видом паломников, или родичей и челядинцев направляющегося к месту службы

господина, или под иными личинами. Но теперь он сам себе — главный сыщик.

Плохо, что Хранителя Государевой Тайны Намма, кажется, ни разу не видел своими глазами. А если и видел, то не знал, кто это. Описание есть, только не очень полезное: почтеннейший старец, приближающийся к столетнему возрасту, седовласый, благородной осанки и с сердцем чистым и прямым. Ну, как выглядит должностное платье Хранителя, тоже сказали — благо оно приметное, подобрано было покойным государем нарочно для его друга и сподвижника вместе с новой небывалой должностью. Прежде никаких Хранителей Государевой Тайны в Облачной стране не было: священные тайны хранили жрецы, военные — воины, деловые — приказные люди, а особого человека для Особой Тайны не полагалось. Хорошо, если старец по Западной столице в должностном наряде ходит — а если нет? А если, хуже того, вообще уже не ходит?

Лета его, как говорится, внушают трепет; но если бы старик скончался в пути или по прибытии на место, об этом бы должны были сообщить во Дворец. Если, конечно, не умер он при таких обстоятельствах, что свидетели перепугались: не поставили бы эту кончину им в вину! Тогда могли бы и разбежаться, и бросить Хранителя. Надо проверить.

Всё это удобно обдумывать по дороге домой. Потому что когда придёшь, будет не до того. Сборы!

Когда Государев чиновник приходит со службы

Вообще-то, когда Государев чиновник приходит со службы, дома его подобает встречать многочисленной челяди и красавице-жене. Однако навстречу Намме на крыльце появляется только его дочь. Растрёпанная, чумазая, на платье какие-то подозрительные пятна, в одной руке тряпичный заяц, в другой — кисть для письма, уже сломанная, на лице —

полный восторг.

— Где лошадка?

Что письмоводитель отправится в путь, стало известно ещё вчера. С тех пор Садако ждёт, что приведут прямо в усадьбу казённых лошадей. Похоже, уже искала их по всем самым грязным закоулкам.

— Скоро будут лошадки, — успокаивает её письмоводитель, и вместе они входят в дом. Совершенно незаметно: госпожа увлечённо препирается с кормилицей, слуга Урасака громыхает чем-то на заднем дворе, сын и наследник вопит как юный демон, и только кроткая Урасакина жена кланяется и тут же убегает на кухню. А посреди комнаты громоздится...

— Что это? — вопрошает потрясённый Намма.

— Твой дорожный припас! — хором отвечают супруга и кормилица.

Письмоводитель осторожно подходит к горе узлов, свёртков и коробов. Осматривает. Пробует один из узлов развязать посмотреть.

— Не трогай! — строго говорит кормилица. — Я там уже всё сложила, чтоб не помялось. Это твоё запасное казённое платье. Кроме шапки, та отдельно.

Без запасного платья, конечно, и впрямь нельзя. По дороге кому только не придётся представляться, пока доберёшься до Западной столицы, весь измараешься. Но занимает оно изрядный объём, даже без шапки.

— А это что?

— Ну ты же едешь искать Хранителя Тайны, — терпеливо поясняет госпожа Намма. Вообще-то ей об этом знать не положено, но письмоводитель ещё накануне вечером проговорился. — Он старенький. Может быть, уже не очень следит за собою, раз потерялся. Ему всяко нужно сменное облачение.

— Это не берём, — твёрдо заявляет Намма. — Господин Хранитель — служилый человек, в случае нужды одежду, носилки и прочее ему предоставят

местные власти. А его должностного наряда у нас всяко нет. И вообще, у нас только три казённые лошади, из них две — верховые.

На второй лошади поедет Урасака, это уже решено. Вот он выглядывает из-за перегородки, строит сочувственную мину. Но не вмешивается.

С платьем кое-как разобрались, сели обедать. Госпожа Намма потчует супруга, кормилица продолжает давать наказы, Урасака присматривает, дочка хватает всё со стола, а сын примолк, но подозрительно зыркает: не стоит ли вновь напомнить о себе. Разговор идёт самый застольный — про снедь в дорогу. Уложены: скромная посуда, котелок для воды, варёный сушёный рис на месяц, приправы, дюжина бутылочек лучшей столичной браги...

— Рис — это вот тот огромный куль? — спрашивает Намма. — Не берём. Пропитание у нас идёт за казённый счёт.

— Знаю я этот казённый счёт! — негодует кормилица. — Накормят на станции абы чем, а потом до следующей нести будет так, что вся лошадь провоняет.

— Я уже не первый раз в пути, — упорствует письмоводитель, — и как-то обходилось.

— А тебе обязательно надо, чтоб на этот раз не обошлось? — всплескивает рукавами жена. Дочка ей подражает, с двух подносов чашки разлетаются во все стороны.

Но в конце концов количество риса удаётся скостить почти втрое. Сложнее с выпивкой.

— Ты же будешь по пути и на месте заводить полезные знакомства? Вот пусть и примут гостинец! Они, небось, давно такого не пробовали у себя в глуши.

— Я предпочёл бы обойтись без взяток.

— Так какие взятки — это знак уважения!

— Если дозволено будет молвить, — вмешивается Урасака с видом опытного сыщика, — оно может быть полезно. Надо будет всех расспрашивать, куда тот сановник запропал? Вот выпьют, у них языки-то и

развяжутся.

— Ладно. Одну бутылку и одну большую баклагу.

— Как — одну? Одну ты господину наместнику поднесёшь, само собой, а в храм Великого Властителя? Туда даже лучше бы бочонок...

— Я вообще-то не в паломничество отправляюсь, а по Государеву делу.

— То есть ты хочешь сказать, что даже в святилище не зайдёшь? За семью, за детей не помолишься? Ах, знала бы я, за какого бессердечного человека выхожу замуж...

И пошло, и пошло... Младший отпрыск тоже требует, чтобы за него вознесли молитвы — нечленораздельно, но очень громко и убедительно. Дочка успела куда-то исчезнуть.

Отдельный вопрос — лекарский припас. Обычного сундучка недостаточно — путь дальний, мало ли какую гадость предложат местные знахари. Тем более что и разыскиваемый старец наверняка болезнен, в его-то годы.

— Западная столица славится своими врачевателями и снадобьями. Вы мне лучше дайте список, что оттуда привезти!

— Так одно другому не мешает! И туда, и оттуда. От живота, от головы, от глазной усталости, и побольше успокоительных порошков...

— Можно подумать, это я тут беспокоюсь! Я-то как раз совершенно спокоен! Это вы!...

Тут выясняется: успокоительные порошки все вышли. А ведь совсем недавно запасались, и было их премного. Начинаются поиски по всему дому. Некстати вспомнилось, что два дня назад Садако была непривычно тихой и сонной — неужели дитя добралось до лекарств и всё сожрало? Заболеет же! Где рвотное?

— Поздно. Через два дня уже не нужно.

— И ты так спокойно об этом говоришь?!

— Дитя носится без присмотра весь день, вот потом и сонное!

— Это ты ей разрешаешь!

— Да я... Меня дома нет целый день!

— Вот именно! А теперь ещё и уедешь надолго... И хоть бы слезинку пролил... О доме-то... О Столице...

Нет уж! — думает письмоводитель. Ни слезинки! И ни строчки о покинутой Столице, моё дело служба, а стихи пусть пишет кто-нибудь чином повыше.

Супруга закрывается рукавом, утешать бесполезно. Намма спрашивает у кормилицы:

— Кстати, что с девочкой опять? Прихожу, а у неё на подоле какие-то пятна?

Госпожа Намма отвечает пылко:

— Садако не виновата! Это не она, это ей кое-кто давал маленького подержать! Другой няньки нет!

— А переодеть потом?

— Так некогда, — объясняет кормилица. — Тебя же в путь собираем! Колчан и лук сам увяжешь, это — не женское дело!

Ах да, ещё ведь лук...

Намма удаляется в свой рабочий закуток, задвигает перегородку. Письменный прибор, конечно, никто и не подумал уложить. Главное, не забыть служебный дневник, а то голова кругом идёт, и всё не о том. И ещё помнить: придёт провожать лучший друг, человек образованный, наверняка вручит на дорогу какую-нибудь китайскую книжку. Её тоже нужно будет куда-то приткнуть.

Скрипит перегородка, с поклоном появляется Урасака. Смотрит сострадательно:

— Эх, господин, тяжко? С женщинами всегда так. Кучу ненужного напихают в охапку. Я зачем пришёл-то: нужно обязательно прихватить запасные подковы. Кто его знает, как там на дороге-то с железом...

— Сколько? — безнадёжно спрашивает письмоводитель.

— Ну, не меньше дюжины. Что их оставлять дома — тут-то у нас всё равно лошади нет.

Это намёк. Уже не первый. Намма предпочитает

пропустить его мимо ушей. Урасака, конечно, прекрасно разбирается и в лошадях, и в волах, но свой выезд в Столице Намме пока не по средствам. Ладно, возьмём и подковы. Хорошо хоть, не запасное седло.

И так — до самого вечера. Дорожный припас проходит строжайший отбор, всё лишнее отсеивается, но куча клади почему-то становится только больше. Вот так всегда. Когда письмоводитель тайно выполнял задание в составе отряда якобы паломников, на него, как на самого молодого, навьючили походный алтарь, с изваяниями. Но там это было решение начальства, а домашние могли бы и помилосердствовать!

Уже к ночи, когда всё более или менее стихло, под бок письмоводителю пробралась дочка.

— На!

— Что это?

Тряпица не сшита, просто завязана замысловатыми узелками, два угла торчат наверх.

— Зайчик. Тебе нужно!

Ну, нужно так нужно. В конце концов, Исконная Столица — дом родной Великого Властителя Земель, а сей бог и впрямь любит зайцев...

Среди ночи пробудился в поту. Привиделось, что подъезжает к Западной столице с целым караваном клади на лошадях и носильщиках. И вспоминает, что забыл ларец с Государевыми указами.

Накануне отъезда

Накануне отъезда письмоводитель побывал в Приказе. Глава сыскного отдела его напутствовал словами:

— Увы! Расчётов тебе не будет. Гадателя опять нет на месте, у него дни затворничества. Так что вот тебе послушной список господина Хранителя, остальное попробуй добыть у его родни.

Следствие по делам ослушников государевой воли Полотняный приказ ведёт строго по науке. Ведь если знать день, месяц и год рождения человека, можно

определить почти всё: в какие дни что он будет делать и насколько преуспеет. Или от обратного, как при одном из недавних расследований: под какими звёздами должен был родиться казнокрад, чтобы безнаказанно совершать хищения в таком-то краю в такие-то дни? Не наобум же он действовал, а даже если и наобум — везло ему ровно тогда, когда к тому были благоприятные обстоятельства, они же наступают закономерно. Расчёты знатоков Тёмного и Ясного начал запрашиваются по каждому делу, на службе в Приказе для этого состоит особый гадатель — чтобы было кому перепроверить выкладки Календарного ведомства. Беда в том, что этот учёный — человек добросовестный, и сам для себя дни удачи вычисляет с сугубой тщательностью. Дескать, что толку в измерениях, когда неточно само мерило? В неудачные дни он затворяется дома, и напирать на срочность задания бесполезно.

Службу свою искомый Хранитель Тайны, господин Каратати, начал семь десятков лет назад не где-нибудь, а тут, в Полотняном приказе — только не в сыском отделении, а работая непосредственно с указами. С детства обладал прекрасным почерком, впоследствии прославился искусством стихосложения — как по-китайски, так и на Облачном наречии. Будучи дальним родственником Государя, поступил сразу на должность делопроизводителя. Затем был переведён в Податную палату, много там преуспел, дослужился до старшего советника. Наместничал в Озёрном крае. От Срединной столицы это не слишком далеко, туда уже сгоняли гонца, но никаких следов старика там не обнаружилось. По возвращении в Столицу отличился на состязании стихотворцев и привлёк к себе милостивое внимание покойного Государя. Вот тогда-то, уже более двадцати лет назад, для господина Каратати и была учреждена небывалая должность Хранителя Тайны, в которой он и вышел в отставку после кончины Государя. С тех пор последние семь лет жил частной жизнью. За десятилетия службы ни в чём неподобающем замечен

не был. Пережил и жён, и двоих сыновей, внук его, господин Каратати-младший, служит ныне средним советником в той же Податной палате.

К нему-то и направляется письмоводитель Намма.

Усадьба среднего советника недалеко от Дворца, на Второй улице. Тем не менее сегодня в присутствии его нет — придётся посетить дома. Лишь бы господин Каратати сам не отправился на поиски деда. Или не прятал его сейчас в дальнем имении у верных людей. В любом случае, от самых дворцовых ворот и до усадьбы за Наммой следует соглядатай. Судя по всему, не слишком опытный — письмоводитель его заметил почти сразу. Ражий малый, одет, как челядинец из хорошего дома. Намма сбивать его со следа не счёл нужным, продолжил свой путь. У ворот Каратати соглядатай отстал.

Внук Хранителя оказался дома и Полотняного чиновника, разумеется, принял с готовностью. Уже далеко не юн, где-то за тридцать; одет, набелён и покрашен не по-домашнему, на веере — рисунок в виде плетей бутылочной тыквы. А жаль: если он пошёл в деда, то не помешало бы разглядеть его черты в подробностях. Ростом где-то на голову выше Наммы, уши большие, что обычно свидетельствует о счастливой судьбе их обладателя. Но ныне сей обладатель — в глубокой печали и тревоге.

— Рад бы я был отправиться с тобой... Но к сожалению, дела службы держат меня в Столице, — молвит Каратати.

Поспешить на помощь деду, как почтительный внук? Или проследить, как бы неопытный сыщик не напортачил? А то прислали юнца, да ещё и коротышку...

Средний советник занят по службе, однако во Дворец не ходит. Что бы это значило?

Намме надо учиться лучше владеть лицом. Каратати отвечает на его мысли:

— Я опасаюсь худших вестей. Избегаю бывать на

службе, дабы не осквернить присутственное место.

Да, смертная скверна ложится и на родичей покойного, даже если они находятся за тысячу вёрст. Иное дело, что во Дворце на внешних воротах дневальный жрец всегда проверяет скверну, и Каратати просто не впустили бы. Хотя и такое возможно: прибыл чиновник в свою палату, взялся за бумаги, а тем временем родич его скончался неведомо где — и очищение пришлось бы проводить над всеми сослуживцами, посетителями и помещением.

Бумаг казённого вида и здесь разложено много. И всё-таки видно, что в дедовом рабочем покое внуку ещё непривычно. А свой угол у него, должно быть, тесен и не подходит для приёма посетителей.

Календаря с выкладками судьбы господина Хранителя на нынешний год здесь в усадьбе нету — увезён в Западную столицу. Дорожный скарб старика внук подробно описал, этот перечень у него уже готов. Хранитель отбыл с восемью носильщиками и двоими слугами третьего числа четвёртого месяца, три с лишним месяца назад. То есть в начале пятого месяца должен был прибыть к святыням Великого Властителя Земель.

— Господин средний советник, возможно, уже сам принял какие-то меры по части поисков? — осведомляется Намма.

— Разумеется! Получив тревожные вести из Западной столицы, я немедленно послал туда челядинца на розыски. Недавно тот вернулся — увы, не преуспев. Господин Хранитель Государевой Тайны благополучно добрался до цели своего паломничества, остановился у нашей младшей родни, это семья Кудзу; пробыл там три дня, а на четвёртый бесследно исчез, и следов его нашему челядинцу обнаружить не удалось.

— На четвёртый день — это, получается, когда именно?

— Девятого числа минувшего месяца. С тех пор его никто не видел.

— Могу ли я побеседовать с вашим посланцем лично?

— Увы, он занемог, опасаемся заразы. Парня пришлось удалить из города.

Нет так нет, хотя и жаль. По времени всё вроде бы сходится. От Срединной столицы до Западной — тридцать станций по Закатной дороге. Тридцать дней путешествия в носилках, если нигде не задерживаться, но как следует отдыхать каждый вечер. Гонец на сменных лошадях скачет пятнадцать дней, срочный гонец — десять. Кто смел, может эти же десять дней потратить иначе: доехать до моря и дальше идти к Западной столице водой. Но сколько при этом придётся прождать попутного ветра — заранее не угадать. Так или иначе, господин Хранитель двигался в носилках.

Намме очень бы хотелось осмотреть дом почтенного старца, но полномочий на это у него нет. Пришлось удовольствоваться образцом почерка — действительно изящнейшего. Свитков с собственным изображением Хранитель не заказывал, а жаль.

На прощание господин Каратати предупреждает, воздев сложенный веер:

— Просил бы иметь в виду: несмотря на преклонные года, мой почтенный дед нимало не утратил быстроты ума. И, если позволительно так выразиться, предприимчивости. Если исчез он по собственной воле — это может осложнить поиски.

— А куда бы он мог в этом случае направиться?

Средний советник закатывает глаза: не имеет, мол, ни малейших предположений.

Откланиваясь, письмоводитель смиренно просит дозволения удалиться иным путём, чем пришёл — не через главные ворота усадьбы, а через боковую калитку. Хозяин удивлён, но не возражает. У Полотняного приказа могут быть свои странные обыкновения... Очень осторожно Намма крадётся вдоль забора, выглядывает из-за угла. Соглядатай тут, ждёт, задумчиво ковыряя в зубах щепочкой. Бесшумно

подойдя поближе, Намма окликает его из-за плеча:

— Не меня ли изволишь поджидать?

Детина разворачивается на месте, проворно кланяется:

— Истинно так! Рад оказаться обнаруженным.

Не слишком ли изысканный слог для простолюдина?

— Ты кто такой?

— К твоим услугам — Сюра Гэнгоро, воин дома Конопля. По распоряжению господина Асано буду сопровождать господина письмоводителя в предстоящем путешествии.

— Зачем?

— Для порядку, — со значением отвечает Сюра.

— Лишних лошадей у меня не будет, — сообщает Намма. — Выбрал всё, что по чину положено.

— Об этом не беспокойся, всё улажено.

И показывает дощечку. Запрос на двух сменных лошадей для поездки по Закатной дороге. От Обрядовой палаты, которую как раз и возглавляет господин Асано, старший в Конопляном доме.

Что тут поделаешь...

Не так-то просто выехать

Не так-то просто выехать из Срединной столицы утром, в нечётный день, благоприятный для путешествий. А срочному посланцу из Полотняного приказа — особенно. Потому что его пропуск и прочие бумаги рядовые привратники освидетельствовать не решаются, ждут начальства. А начальство — во Дворце, когда будет — неизвестно. Знал бы Намма — поспал бы подольше и попрощался с домашними помногословнее. А то супруга опять обиделась. Сказала ему, что он, бесчувственный, может и не возвращаться: всё равно она его видеть больше не желает. Никогда.

Сюра Гэнгоро с двумя лошадьми прибыл вовремя, в полном великолепии: из-за спины лук торчит, стрелы веером, на голове шлем, на поясе — меч, на плечах —

синий стёганный панцирь. Поклонился, поприветствовал, и дальше до самого выезда обсуждал с Урасакой достоинства, а пуще того — недостатки предоставленных им коней. Большие знатоки. Уши вянут!

Наммин друг, Дзёкэй из дома Польши, к воротам не успел бы — служба. Зашёл проститься накануне вечером, рассказал много полезного про Западную Столицу, где был сравнительно недавно, и про дорогу. Для других Исконная столица — край Великого Властителя Земель, Государева первопредка. Оттуда Великий Властитель разные земли Копьём зацеплял и на Вервии притягивал, чтобы получилась Облачная Страна. А для Дзёкэя Западный город — средоточие всего китайского. Море там узкое, переселенцев много и с каждым годом всё больше, ибо в заморской земле То сейчас нехорошо: смута. Куда же китайцам и бежать от бедствий, как не к нам? А Дзёкэй про них знает чуть ли не больше, чем кто-либо из Намминых знакомых. И так говорил, что казалось: кабы не служба, поехал бы Дзёкэй с Наммой и на каком-нибудь незаконном корабле сам бы переправился к своим любимым китайцам. Конечно, такое немыслимо: он человек ответственный. Но, похоже, очень хочется.

Книгу Намме он на дорогу, как и ожидалось, вручил. В ожидании воротной стражи письмоводитель даже пожалел, что та упакована куда-то вглубь корзины, и уже не вспомнить, которой именно. А то можно было бы скоротать время.

А может, и старый господин Каратати уже в Китае? Не сам уплыл — так похитили и увезли. Чтобы выпытать нашу Государеву Тайну. Это, конечно, пустое дело: на то она и Тайна, чтобы никому, кроме Государя, не могла оказаться понятна и полезна. Но понимают ли это китайцы? Намма не очень представляет, какие в земле То боги и что за морем знают о наших здешних богах и святынях. Может, и вовсе ничего.

Государь Облачной Страны — все прямые

потомки Великого Властителя. А в Китае и императоры непонятные: сто лет из одного рода, двести — из другого, пятьсот — из третьего... Как так можно? Пока их прозвания выучишь — уже голову сломаешь. Хотя в Училище, конечно, будущий письмоводитель тамошние летописи изучал, и порой не без удовольствия. Там не только родословные, есть и занятные рассказы.

Начальник Воротной стражи прибыл, наконец. Рассыпался в извинениях, проставил печати, занёс в списки и выпустил из Столицы. Всех дел оказалось меньше чем на полчаса — и это при том, что у Сюра бумаги свои, отдельные. А времени уже за полдень. И даже в дорожном платье очень жарко. Груз получился всё равно большой, ехать быстро не выходит.

— А что это за тюк у тебя, Сюра?

— Шатёр! Вдруг где по дороге станцию пожгли — не под открытым же небом ночевать!

Урасака себе под нос излагает всё, что думает о тех, кто в пути бедствия накликает. Сам Сюра тоже что-то бормочет беззвучно, только губы шевелятся. Внезапно натягивает поводья, останавливается, разворачивается, произносит:

— В мареве знойном ворота Столичные медленно тают...

Вслед за светилом и я тоже к закату клонюсь!

А вот письмоводитель не сложил песню на свой отъезд. Даже неловко. С другой стороны, песня хороша, когда идёт из сердца, а он не о том думал. То ли дело Сюра: голос искренний, с дрожью, на ресницах слеза блестит.

Всего в Облачной стране шесть больших Государевых дорог. По четырём из них Намме уже доводилось ездить, пусть и не из конца в конец. Эта зовётся Закатной, устроена, как и все остальные: насыпь, вдоль неё канавы и деревья по обе стороны высажены. Здесь пока — в основном шелковицы. Шириной дорога такова, чтобы свободно разъехались два тяжёлых воза, сопровождаемые всадниками.

Главное, чтобы нигде на нашем пути местное начальство не переключивало камень, не чинило мост, и чтобы никакую заставу не закрыли по случаю заразы.

Через каждый перегон обустроены станции, они же заставы, со всеми удобствами для проезжающих. Сменные лошади, баня, ночлег, еда, проводники для сложных участков с мостами, бродами или горными перевалами. Либо на самой заставе, либо неподалёку должны быть: кузнец, лекарь, коновал, гадатель. И конечно, дорожный смотритель. Перед тем как ему представляться, нужно вообще-то переодеться в должностное платье, но иногда этим можно пренебречь, особенно — если подъезжаешь к заставе вечером.

Вблизи Срединной столицы станции образцовые. Отъедешь на сто вёрст — у смотрителей уже и половины нет того, что положено. И хорошо, если есть сами смотрители, а не кто-нибудь на замену им из местных жителей, плохо разумеющих столичный выговор.

Но пока дорога хороша. И толпы большой на ней нет, и на казённых конях навстречу никто не скачет — то есть ждать на заставе, авось, долго не придётся, лошади не все в разгоне. Будем надеяться.

За деревьями блестят на солнце рисовые поля — между холмов, что несколькими грядами ограждают Столицу с запада. То справа, то слева на обочине попадаются зазывалы: перекусить, платье переменить, запастись бумагой, конской сбруей, гостинцами в деревню, заказать монахам моление о благополучии в пути, посетить на прощанье красотку в лучшем столичном вкусе...

Если знать места, то на первом перегоне от города можно стать совсем другим человеком: сменить лошадь, переодеться, перекраситься, приобрести поддельные бумаги на чужое имя. Кто собирается бить на жалость, может нанять на время старушку-мать и нести её на плечах — обычно это вышедшая по годам в отставку столичная красавица, они женщины крепкие. С дряхлыми отцами хуже — есть один, одноногий, но его

все в Столице уже хорошо знают. Все эти места письмоводителю известны, благо в каждом из них имеется осведомитель Полотняного приказа. Потому и не прикрывают всё это безобразие: лучше ведомые беззакония, нежели тайные.

Промешкав утром, к первой станции путники подъезжают уже затемно. После бани Сюра делает письмоводителю знак: надо переговорить. Выражение на лице у него мрачное.

— Что такое?

— Должен предупредить господина: в случае нападения мне придётся спешиться.

— Зачем?

— С таких лошадей — не стрельба, а одно расстройство. Приспособиться, конечно, можно, но вернее — на своих двоих. Я ж за тебя отвечаю!

Намма кивает. Сам он с седла вообще не лучшим образом стреляет. А Урасака в очередной раз желает телохранителю типун на язык.

Хлопотное дело

Хлопотное дело — быть самым главным среди своих спутников. С одной стороны, за всё в ответе письмоводитель: и за то, с какой скоростью продвигаемся и не опоздаем ли, и за то, как удастся договориться на станциях насчёт лошадей и отдыха, и уж тем более — за встречи по дороге с местными чиновниками либо за уклонение от таких встреч. А с другой — даже Урасака на добрых семь лет старше Наммы, а Сюре и вовсе за тридцать; родом они, конечно, не вышли, но опыта у них за плечами явно больше. Урасака, например, был в Западной столице в прошлый раз одновременно с Наммой — но уже взрослым парнем со множеством обязанностей. И забывать об этом не даёт.

— Ты, господин, главное, помни: в этой Исконной столице — всё по заморским обычаям, на самом-то деле! На одежду или на рис ничего не сменяешь, как у нас в

Срединной — денег спрашивают! Позор!

Деньги у Наммы есть, целая связка монеток с дырками в середине. До этого ему и впрямь нечасто приходилось ими расплачиваться, но в дорогу взял, по личному настоянию главы Конопляного дома. Десяток монет — должно хватить.

Урасака не только лично пересчитывает все суммы и узлы при выезде с застав — но и на въезде напоминает господину сменить дорожные шаровары на парадные: а то зритель не проникнется должным почтением! Впрочем, от последнего письмоводитель вскоре отказался. У этих парадных штанины — длиннее ног, во Дворце не страшно, а на станциях всё-таки лошадей держат и прибирать за ними не успевают. Этих штанов не напасёшься!

Зато дорога красивая. Поля, деревни, лес на холмах. Кое-где храмовые башни виднелись, но к счастью, спутники Наммы не настолько благочестивы, чтобы в каждую обитель заезжать молиться. Правда, днём, в самую жару, то и дело взывают к милосердию господина письмоводителя: дай коням отдохнуть, вон лужок какой хороший! И дружно убегают: либо купаться, либо по ягоды. Приносят и Намме, почтительно подают — полными горстями, — только он помнит, как ему в своё время кормилица про такое говорила: плюнь бяку. Мне казённой еды хватает, отговаривается он. А Сюра в ответ:

— Так это не для сытости. А порадоваться изобилию Облачной страны!

Держава в самом деле изобильна, раз никто эту лесную и луговую снедь ещё не оборвал, даже сельские дети. Письмоводитель предпочёл бы обойтись отрядным зрелищем, а на зуб не пробовать. Но и тут до Сюры ему далеко. Как увидит телохранитель пруд какой-нибудь или одинокую сосну — натянет поводья и любуется, пока не сложит подобающую песню. Уже не раз Намма возблагодарил богов, что сейчас не весна, не то бы мы точно так же мешкали возле каждой вишни. А осенью —

возле клёна.

— Должен же я оставить что-то по себе в этом ненадёжном мире, когда сложу за тебя голову, господин!

— Вот этого не надо, — прерывает его письмоводитель, а Урасака в очередной раз рычит:

— Типун!

Один раз верный слуга даже начал подговаривать Намму убраться со станции ещё до зари, а Сюру с его песнями оставить досыпать. Авось не догонит. Но господин Асано подобного поведения не поймёт. К тому же Сюра — единственный из троих, кто знает и помнит в лицо Хранителя Тайны. Да и сам Урасака отходчив: рассветёт, и они с телохранителем в две глотки начинают в добром согласии ругать да хулить предлагаемых лошадей — словно соревнуются, кто в них больше пороков отыщет. Притом видят же: других коней нет, что уж тут разоряться?

— Так тебя, господин, иначе уважать не станут!

Поначалу Намма на станциях пробовал расспрашивать. Помните, как в начале лета тут проезжал на запад престарелый сановник в носилках, с восьмью носильщиками и двумя слугами? Отвечают: как же, как же, помним! А не видели, не проезжал ли или не проходил ли мимо вас по дороге старик похожего возраста, с запада в сторону Столицы?

— Было дело! Стирают девушки однажды у нас на речке. Явился старичок, сел на берегу, отдыхает. Все прачки ушли, осталась одна, самая неказистая. Он ей и говорит: помоги на тот берег перебраться. Она ему: дедушка, да ты сам перейдешь, тут мелко. А он: не могу, слаб стал. Она его посадила на закорки, старичок-то лёгонький, пошла. Глянула в воду и видит за плечами у себя — молодого красавца. На себя посмотрела — и тоже ведь отражается писаная красавица! Тут-то и поняла девка, что это — сам Великий Властитель! И что ты думаешь: года не прошло с тех пор, как посватался к ней аж начальник уезда. Хорошо живут, и внуки у них

такие крепенькие...

Или:

— А то как же! Точно, точно: богатые носилки, восемь носильщиков, впереди глашатай, сзади скороход, всем, кричат, падать ниц! Ну, мы что, кланяемся. А как они проехали, я глаза поднял — и вижу: у них у всех, и у носильщиков, и у скороходов, сзади — хвосты!

— Какие хвосты?

— Длинные, пушистые! У господина-то небось не видно, он в длиннополом наряде, да и носилки закрытые, но уж какие слуги, таков и хозяин...

Или:

— Древний старец? Вы с ним поосторожнее, столичные господа, потому как он только с виду такой благостный. А на самом деле это — наш тутошний монах-людоед! Вон, видите развалины старого храма? Там он и является каждую шестую ночь. Не желаете там переночевать, храбрый господин? Внукам потом рассказывать будете, коли уцелеете!

Тут Сюра загорелся, совсем было решился усмирить людоеда, но, к счастью, до его явления ждать было нужно ещё двое суток, а такое промедление было бы непростительно. Но постепенно Намма понял: здешние придорожные свидетели ему ничего полезного не поведают.

Так и добрались до Киноварной заставы. Спутники письмоводителю твёрдо заявили: надо отметить! И принесли прекрасную дыню — большую, душистую!

— Это кто же нам преподнёс? — осведомился Намма, не найдя при дыне никакой записки от дарителя.

Парни мнутя:

— Да так... местные жители...

— Показывайте, какие именно, — потребовал письмоводитель, которому всё это начало надоедать.

Помешкав, Урасака отвёл его на чей-то огород.

Похоже, дыня и впрямь отсюда — самая крупная. Намма позвал хозяев, извинился за потраву, снял со своей связки одну монетку и вручил потрясённому поселянину. И даже объяснил, что это такое.

— Бедные горцы! — сетовал потом немало не устыдившийся Сюра. — И так тяжела их доля, а тут ещё столичные господа приезжают, о сложных вещах говорят, вконец запутывают!

Урасака господина знает лучше, примечает, когда тот сердится, и помалкивает. Но по роже видно: тут он с телохранителем согласен.

А дыня была вкусная.

Когда говорят «перевал»

Когда говорят «перевал», представляется, будто это место опасное, но непротяжённое. А тут он занял три дня. Конечно, видно, как дорога забирает всё выше, но не круто, а петлями по склонам. И верно звучит название: «вход в горы». Въехали в лес на Киноварных горах — и неба над головой стало не видно.

Станция есть и тут, похоже, не перестраивали её с тех самых пор, как проложили Закатную дорогу. В первый раз пришлось стряпать ужин из своих припасов, да ещё угощать зрителя и конюха. Со снабжением у нас худо, объяснили они. И в помещении для путников мох растёт прямо на полу. Сюра его воспел, а вычищать не стал: не наша забота.

Зато как выехали из леса — тут-то и поняли, как высоко забрались. Впереди, далеко внизу — равнина, дорога вьётся, а дальше как будто бы даже море видно. Вид сразу на две области: Нижнюю Киноварную и Табунную. И даже словно бы заметен шов, небольшая гряда холмов — в том месте, где одна земля пришита к другой. Страшно глядеть! Такой широкий обзор — не для человека: для государя или для бога.

Бог тут и правда хаживал — сам Великий Властитель Земель. Самый главный в Облачной стране, которую он собрал некогда воедино своим Копьем и

Вервием. Вервие то — святыня для Конопляного дома. Всё главное на свете — от Великого Властителя: и земля, и любовь, и песни. Земли стянул вместе, первую песню сложил, и вторую тоже, а уж возлюбленных у него — не перечсть. Солнечный жар, морская зыбь, грома и бури — от других богов, им всем — почёт, а Великому Властителю — ещё и любовь. Он ближе к людям, чем иные боги: те не умирали, а он был убит завистливыми богами-братьями, и морские девы его вернули к жизни.

Сам Великий Властитель к чужой жизни ласков: дальше по дороге, в краю Заздравном, он исцелил зайца с содранной шкурой, и оттуда пошло всё лекарское искусство в Облачной стране. И все зайцы тоже. Здесь их почитают, при встрече кланяются, а сами они никого не боятся, толстые и круглые. А Исконная столица выстроена в том месте, где к Великому Властителю по морю в ореховой скорлупке приплыл бог Выродок — самый древний из первородных богов, о ком даже думать страшно. Древнейший и самый малый, это он открыл Великому Властителю и всему его народу, что и смерть — не последний предел, что есть за краем моря Страна вечной жизни. Монахи, ученики заморского Будды, потом подтвердили: точно, есть.

Государи Облачной страны в Исконной столице давно не живут. Но тамошние жрецы — Государям родня: остались блюсти святыни, когда остальной Облачный род со сподвижниками двинулся на Восток. Считаются с древних времён поколениями: бывает, что Великий жрец Государю числится дядей, или братом, или, как сейчас, племянником. И мирская власть тут — не наместник, как всюду, а нарочитый Государев Посланник, царевич.

Говорят, что Великий Властитель Земель — он же и Владыка Душ, так что все мы божьи люди. Но вот вопрос: где кончается святое служение и начинается мирское? Глава Конопляного дома — бесспорно, жрец, он же высший сановник в Обрядовой палате. Все его ближние родичи, кто носит прозвание Асано, — тоже в

общем жрецы, хотя служат в разных ведомствах, в том числе и в Полотняном приказе. Что сказать о младшей родне — о тех, кто зовётся Намма, Тома, Сайма, Хокума, все со знаком «ма» — Конопля? Письмоводитель себя жрецом не чувствует, да и не учился обрядам сверх тех, какие каждый знает. Служилые люди, казённые чиновники на средних и низших должностях. Ещё ниже — если брать воинов, наподобие Сюры, — получается, ещё дальше от богов? А крестьяне Конопляного дома — совсем далеко? Но на землях, что собрал Великий Властитель, трудятся они. И послушать их — так с богами, и с самим Владыкою Душ, встречаются они почаще чиновников и воинов. То же и в других домах, идущих от сподвижников Великого Властителя — Копейном, Колокольном, Обезьяньем и иных.

Народ здесь, в божьих краях, гордый и благочестивый. На очередной станции кони — отличные, но их, увы, только два. Где третий? Смотритель его посвятил в Великое святилище. Уж больно хорош был конь, даже имя у него было, не в пример прочим — Белогривый. Как же так, казённого? А вот так. Пришлось ждать целые сутки.

Близ перевала встречались горные монахи-отшельники, а здесь, ближе к Западной столице, пошли святилищные паломники. Целыми семьями или выборные от деревни, в белом, с подношениями. На тачках везут слепых, хромым и расслабленным в поисках исцеления. И что печально: среди них за один день письмоводителю попало больше древних старцев, чем он в Срединной столице за три года встречал. Если Хранитель Тайны пожелал бы скрыться среди себе подобных — без труда затерялся бы.

Когда вдали показалась городская застава, Намма помолился, Урасака хлопнул над головой в ладоши, а Сюра прослезился и сложил ещё одну песню.

Как положено городу

Как положено городу, Западная столица

обнесена стенами о четырёх углах, но всё главное находится вне их: Святилище Великого Властителя, храм Просветлённого при нём, пристань и даже палаты царевича. Их письмоводитель посетил в первую очередь, чтобы со всей почтительностью вручить ларец с Государевыми грамотами. Не самому царевичу, конечно, а его доверенному чиновнику.

Внутри стен — усадьбы старых семей. Включая ту, где останавливался Хранитель, и ту, где предстоит проживать самому Намме. Потому что у Конопляного дома родня есть везде, и западная ветвь, Сайма, испокон веку живёт в Исконной столице. Старый господин Сайма радушно принял гостя, угостил приморскими яствами: водяными улитками двух пород, свежими водорослями, осьминогом. И отвёл Намме просторную пристройку для жилья. Урасака немедленно начал распаковывать и раскладывать вещи, словно собрался тут навеки поселиться. Господину намекнул, что тот только мешает, и Намма воспользовался этим, чтобы начать расследование. Сюра, однако, последовал за письмоводителем, по-прежнему при мече, хотя и без лука.

Стоило бы осмотреть здешнее жилище Хранителя, но прежде надо узнать, что там обнаружили и чего не обнаружили при предыдущем обыске. Так что местному родичу Каратати, господину Кудзу, Намма написал любезное письмо, а сам отправился к начальнику стражи. Тот соизволил принять незамедлительно. Оказывается, храмовую охрану возглавляет тоже он, по совместительству.

В белом жреческом облачении, с круглым белым лицом и вообще весь круглый, ростом лишь чуть побольше Наммы — приятен обликом был бы господин Усаги, если бы не его повадка. Должностную дощечку, вручённую ему письмоводителем, начальник стражи поднял куда-то к уху и стал читать одним глазом. Другим пристально вглядывается в посетителя. Такого косоглазия Намма ещё не видывал, тем более у жрецов.

При этом всё пухлое лицо господина Усаги пребывает в движении — нос подёргивается, губы беззвучно что-то бормочут, даже уши шевелятся. А по упитанному телу то и дело пробегают мелкая дрожь.

Недугом это быть не может — болезнь дело нечистое, в святилище недопустимое. Или божья одержимость, или начальнику стражи настолько не по себе, что он даже не пытается этого скрыть.

Опустив дощечку, господин Усаги говорит:

— Воистину прискорбно и воистину отрадно. Прискорбны — сложившиеся обстоятельства; господина Хранителя Государевой Тайны у нас помнят и любят ещё по его предыдущему посещению, вся Столица ныне пребывает в волнении за него. Отрадно — что в помощь нашим скудным усилиям прибыл молодой, многообещающий чиновник со свежим взглядом и прямым сердцем.

Не время решать, лезть это или насмешка. Письмоводитель почтительно уточняет:

— Не упомню по молодости, в какую пору состоялось упомянутое предыдущее посещение?

— Да тому уж лет тридцать будет. Господин Каратати в то время, хотя года его были уже немалыми, показал себя гостем исключительно любезным, весёлым, исполненным приятной живости и лишённым восточного чванства.

Тридцать лет назад Хранителю шел шестой десяток. Любопытно, в чём выражалась его приятная живость.

— Исчезновение господина Хранителя внесло смятение и в Срединную столицу. Иные уже предполагают худшее...

— И зря! — решительно взмахивает рукавом Усаги. — Единственное, в чём сомневаться не приходится — наш почтенный гость жив. Здесь место святейшее, самомалейшую скверну немедленно бы почуяли. Что уж говорить о внезапном успении.

Слово «смерть» ему, как жрецу, произносить

нельзя.

— Не сомневаюсь, что спутники вельможного старца были тщательно расспрошены, а оставленные им вещи — просмотрены?

— А как же! Только, посмею сказать, без малейшего толку.

По данным начальника стражи, Хранитель провёл в Исконной столице на виду у всех три дня. Расположился у местной своей родни, в усадьбе Кудзу, посетил святилище и храм, засвидетельствовал почтение царевичу, присутствовал на скромном пиру, заданном по случаю его приезда. Был учтив, словоохотлив и блистал образованностью. На здоровье не сетовал. По городу и округе перемещался в собственных носилках, но, конечно, носильщики и скороходы на приёмах его не сопровождали — званием не вышли. На четвёртое же утро отведённый ему покой оказался пуст.

— Что может быть любопытно, — замечает Усаги.
— Я попытался составить почасовую роспись его перемещений в эти дни. И вот незадача: каждый день один-два часа куда-то пропадают. Никто не помнит, где пребывал в ту пору господин Хранитель, чем занимался и с кем встречался. Побуждаю вспомнить — путаются. Правый передний носильщик припоминает, что господин в час Лошади отправился побеседовать с храмовыми грамотеями, левый задний — что, напротив, пожелал полюбоваться заливом, а скороход заверяет, что Хранитель в тот час изволил отдыхать дома. Прочие же пребывают в растерянности. И так каждый день.

— Каждый день — именно в полуденный час?

— Нет, по-разному. Да вот у меня запись есть, изволь посмотреть. Объяснений подобному пока не вижу.

Придётся искать их самому. Приятно, однако, что господин Усаги хотя бы изъясняется на внятном, правильном Облачном наречии, как в Срединной столице. За предыдущие полдня, в беседах с Саймой и

даже в царевичевых палатах, письмоводитель понимал едва ли две трети из того, что ему говорили. Мало того, что к западному выговору он не привычен — все тут вставляют в свою речь множество заморских слов, да ещё и произносят их не так, как учат в столичном Училище, а по-своему. Один раз Намма осмелился переспросить — господин Сайма добродушно пояснил, что на самом деле по-китайски именно так и произносится: «инфоомасия». В смысле — «сведения». Которые предстоит собрать. При этом пишут здесь все сплошь буквами, а не заморскими знаками. Даже служебные записи, которые сейчас вручает Намме начальник стражи, сделаны именно так: будто женщина писала или дитя. Надо будет потом внимательно вчитаться.

— Могу ли осведомиться: что ещё удалось установить в ходе поисков?

Усаги отводит взор — сразу в две разные стороны:

— Достоверно — увы, ничего. Имеются сомнительные слухи, если любопытно.

— Был бы признателен.

Слухи стоят того, чего Намма наслушался по дороге. Якобы не далее как полмесяца назад близ города три разных свидетеля видели господина Хранителя. В гавани, в беседке Чистого Созерцания и на дороге к храму. Выглядел он совершенно здоровым и более того — даже моложе, чем когда приезжал в Исконную столицу в прошлый раз. Волосы чёрные, стан прямой, полон рот зубов, взор сияет.

— Один из свидетелей даже настаивал, что над господином Хранителем неотступно кружил журавль. Впрочем, это может быть уже и чистым домыслом.

— Но при таких переменах в обличье — как эти свидетели смогли столь уверенно опознать старца?

— Проще простого — по должностному наряду. Один, правда, утверждал, что поверх казённого платья господин изволил накинуть плащ из пятицветных

перьев.

— Это тот же наблюдатель, что журавля в небе видел?

— Увы, другой.

То есть главное, в чём письмоводителя хотят убедить, — это что хранитель жив. И даже бессмертен — ибо именно святые бессмертные носят пернатые плащи и путешествуют, сидя на журавлях. При всей несомненной святости здешних мест, такая настойчивость внушает мрачные предположения.

В это время служка с поклоном приближается к начальнику стражи и что-то шепчет ему на ухо. Тот подпрыгивает на месте, в свою очередь отвешивает поклон Намме:

— Прошу простить. Призван. Служба не может быть помехой служению.

И внезапно исчезает. Белые одеяния комом опускаются на циновку, сверху — пустая шапка. Ком некоторое время шевелится, потом оттуда высовывается ушастая морда и сильная лапка. Крупный белый заяц выпутывается из шелков, на миг садится столбиком, потом, словно в поклоне, опускается на все четыре лапы и удирает из казённого присутствия.

Письмоводитель, конечно, знал, что род Усаги происходит от того самого Зайца, которого исцелил Великий Властитель. Но не ожидал, что это так наглядно выражается...

Свидетели и улики

Свидетели и улики, — говаривал начальник Наммы, — самое необходимое для любого расследования. Переведя дух после разговора с господином Зайцем и поклонившись Великому Святилищу, письмоводитель направился в усадьбу Кудзу.

Челядинцы Хранителя Тайны так там до сих пор и сидят. Несколько опухли, но, похоже, не от выпивки, а от угощений. Повторяют слово в слово всё то, что Намма

уже записал со слов начальника стражи.

Если и не было сговора между этими молодцами, что именно врать, то многократные допросы привели их показания к единообразию. Удручающему. Пробелы в памяти у них действительно есть, ничего нового не вспомнилось.

В день приезда Хранитель отдыхал, писал письма и знакомился с теми Кудзу, кого знал только детьми или кто родился после его предыдущего паломничества. В первый день — молился близ Святилища, имел беседу со жрецом, потом выпал из внимания своих молодцов около часа Обезьяны, затем обнаружился подъезжающим в носилках к усадьбе царевича. Где и провёл весь вечер и ночь. Утром второго дня долго спал, потом в час Лошади пропал, чтобы объявиться в храме Просветлённого и совершить щедрые подношения общине. Вечером любовался морскими видами, прогуливаясь по берегу в сопровождении господина Кудзу. На третье утро поднялся рано — и снова двинулся в храм. Любопытно: монахам он успел уделить больше времени, чем жрецам. Не значит ли это, что старец решился принять постриг — чем и объясняется его нынешнее безвестное отсутствие? Позже осматривал ещё одну местную достопримечательность: ту самую беседку Чистого Созерцания. Наблюдал рыбацьи лодки в лучах заходящего солнца. В этот день с ним снова был господин Кудзу, почти всё время — не считая промежутка между храмом и беседкой.

— А далеко ли до этого достопамятного места?

— Отсюда ходу около часа, а от храма — часа полтора.

После ужина в третий день Хранитель обсудил со своим гостеприимцем китайских мудрецов и лёг спать. Больше его никто не видел. В покоях, где разместили старца, ночевали также его слуга и скороход, но они крепко спали и ничего не слышали.

Почти наверняка они следуют приказу своего

барина: вот до этих пор смотрите и слушайте, можете даже запоминать, но с этих пор — вы ничего не знаете. Добиваться правды силой — было бы глупо: все десять челядинцев выросли в доме Каратати, да и родители их вскормлены там же, при этом господине. Пока самому Хранителю в вину ничто не вменяется, пытаться его людей не подобает. Иное дело — если бы он нашёлся мёртвым...

Беспокоятся ли они о господине? Или твёрдо уверены, что ему — где уж он там сейчас — ничто не угрожает? По лицам не определишь: спокойствие это, или самообладание, или просто жара и обильная пища. Сам Намма в доме Кудзу обедать не стал, но попросил разрешения осмотреть покои вельможного гостя.

Он, конечно, не первый — местные сыщики тут обыск уже провели, и не единожды. Если начальник стражи что-то скрывает, улики могут быть скрыты, или подброшены, или подменены. Знать бы, какие именно. Да и слуги господина Каратати, и семейство Кудзу — могли любые следы замести.

Сейчас всё бережно разложено по местам — надо будет свериться у слуг, по прежним ли.

Что нужно посмотреть: здесь ли дневник, должностные грамоты, печать. Веер, лекарства и всё, чего не мог не взять с собой столичный сановник, направляясь в паломничество. Нет ли затёртых или смытых мест в записях, не видны ли на одежде пятна — или следы стирки.

Должностной наряд, право на который было даровано покойным Государем Хранителю, на месте, тщательно сложен. То есть те свидетели, которые полмесяца назад видели помолодевшего господина Каратати в этом платье, или выдумывают, или им диковинный наряд так врезался в память, что они и представить себе не могут старца в чём-то ином. Или он запасное казённое платье с собою прихватил? Письмоводитель вновь требует челядинцев.

— Нет, это — единственный такой наряд, в

смысле — тут. В Срединной, конечно, у господина ещё есть. Да вообще всё из одежды, что мы привезли, цело, ничего не пропало.

Так. То есть Хранитель ушёл из дому без ничего? Или переодетым? Или вообще перекинулся кем-то четвероногим, как тут у них принято? Только этого не хватало.

Впрочем, выясняется: царевич одарил почтенного гостя целым сундуком, набитым всякой всячиной, в том числе и платьем. Сундук стоит тут, но челядинцы в нём не рылись и не знают, вся ли дарёная одежда на месте. Просить у такой особы список его подарков, разумеется, невозможно.

Урасака прав, что сам разбирает вещи! И хорошо бы Сюрины тоже. И письмоводителю следовало бы всё просмотреть. А то исчезнет внезапно Намма, или слуга его, или охранник — а оставшиеся и вспомнить не смогут, что из скарба пропало вместе с ним....

Казённые полотна и бумаги Хранителя все на месте, печать тоже. Дневник лежит — но не служебный, а личный, дорожный. На каждый день пути — по краткой записи и по стихотворению. «Услышал предание о монахе-людоеде. Выказал любопытство.» Удовлетворил ли кто это любопытство — не сказано. На въезде в Западную столицу записи обрываются. Лечебных снадобий много, но в мешочках и узелках, а не в изящной шкатулке, подобающей такому господину. Значит ли это что-то — или случайность?

Книги во множестве. И китайские учёные сочинения, и свитки со стихами на Облачной речи. Чего нет — так это монашеских книг, что не стыкуется с походами в храм. Или эти письма он забрал с собой.

Ещё нет дощечек для записи. Точнее, есть одна, но странная. Явно не служебные заметки.

— Это что, не знаешь?

Слуга смотрит:

— Господин в своих преклонных летах стремился ничего не упустить. Всё записывал, для памяти. Куда

остальные досточки делись — не ведаем.

«Четыре версты к югу. Холм-черепаха. Заяц.»

Не тот «заяц», что Усаги, имя зверя и рода, а другой знак — обозначение утреннего часа. Вся запись — материковыми знаками. Странно. На выписку из древних книг или на набросок стихотворения не похоже.

— Обычно твой господин буквами или знаками памятки писал?

— Почём я знаю, я неграмотный...

Вмешивается господин Кудзу — он всё это время торчит в дверях и следит за ходом обыска:

— Так у вас же на Востоке все только знаками и пишут. Это у нас письмена — Облачные, исконные.

Это не ошибка, это явная ложь. Ошибиться мог бы какой-нибудь местный поселянин или даже жрец, но господин-то Кудзу — человек служилый, в Срединной столице бывал. Должен знать, что это — полная чушь. Или просто такой вид местной спеси.

Дощечку Намма прибирает. Больше ничего примечательного обнаружить не удалось. Прощается с хозяевами, покидает усадьбу. Ожидавший всё это время на крыльце Сюра с готовностью вскакивает.

— Куда теперь, господин?

— Как ты думаешь, Сюра: а есть ли в Исконной столице питейные дома?

— Не может не быть! Только, похоже, уже по ту сторону стен.

Потому что если уж в определённые часы челядинцы хранителя не видели и не слышали своего господина, это не значит, что их самих никто из местных не видел и не слышал. Стоит проверить.

Не следует забывать

— Не следует забывать, что расследование ведётся тайно. Хорошо бы выяснить, весь город уже знает, кого мы тут ищем, или ещё нет?

— Ясно, — деловито кивает Сюра. — Разберусь.

В загородной харчевне Намма, как и подобает заезжему господину, расположился на широком крыльце с видом на море, чтоб ветерок обдувал. Сюра зашёл внутрь, говорит громко, с крыльца всё слышно.

— Барин-то молоденький. Ничего, смиренный: надо мне куда сходить — не мешает. А то и способствует. Вот, приехали, а тут — земляки мои. Своего господина дожидаются. У этих, здешних Кудзу. Ну, мой записочку настрочил — и в гости. А я к ребятам. И как-то они... Не знаете, чего это с ними? Опоили их там в усадьбе, что ли?

— У Кудзу-то? А они тебе не сказали? Пробежали они своего господина!

— Как это? Из носилок выпал?

— Выпал — не выпал, а нет его. Вот ведь оказия! Этих его парней два месяца уж на допросы таскают, скиснешь тут...

— Эге... Уж не монах ли людоед до него добрался? Я по дороге про такого слышал.

— Что ты несёшь! Тут святые места, людоедам сюда ходу нет!

— Что ж они мне прямо-то не сказали?

— Это у вас там, в ставке, нравы простые, болтай что хошь. А тут — блюдут тайны! Господин-то был не простой. Государево заветное слово знал!

— Что за слово?

— Так он же знал, а не я.

Ставка, значит. Срединной столицы для здешних кабацких завсегдатаев просто нет — Столица одна, Исконная. А Южная, Срединная — это все дорожные ставки, где Государь вроде как проездом останавливается. Уже лет триста-четыреста.

Письмоводителю тем временем поднесли бражки, резаной зелени и что-то вроде морского ушка. Только не морского, а, похоже, из теста. И как это положено есть, хотелось бы знать? Рядом в отдельной лаковой коробочке — две пилюли для лучшего пищеварения.

На другом конце просторного крыльца

расположилась личность вида примечательного. Рослый, ражий, смуглый, усы густые, как не у всякого вояки, а одет неподходяще: куцая, густо вышитая курточка, нарядная, но полинялая, и дурацкая островерхая шапочка на голове поверх платка. Сидит, ест. Ага: эти кусочки теста просто макают в подливу — и в рот! Вкусно, кстати. Только внутри там — крошёное мясо какое-то непонятное. Усатый зыркает из под мохнатой брови на Намму. И, похоже, тоже прислушивается к Сюриным разглагольствованиям.

Надо учиться смотреть и слушать одновременно. А то письмоводитель пропустил часть разговора у себя за спиной.

— И вот, император, рыдая, самолично изволил сообщить возлюбленной своей наложнице: так, мол, и так, отправляйся в подарок варварскому вождю!

— Какому?

— Дикарскому. Которые с бородами вот посюда. И прямо с сёдел гадят!

— И неужто отправил? — потрясённо переспрашивает Сюра. — Или она с горя... того?

— Ничего не того, у неё — долг! Поехала, орошая слезами дорогу в тысячу вёрст. Чахла там у дикарей тридцать лет, тосковала всё по старухе-матери. Потом зачала-таки.

Телохраниль Наммы, кажется, хватил чаркой об пол. Воскликает:

— Да как же так?! Да я бы...

— А кстати. Есть тут одна красавица, как раз из земли То. Очень тоскует в разлуке с матушкой!

— А как она сюда попала?

— Бурей занесло, бурей. Всё ждёт, кто бы ей денег дал на дорогу домой. Сохнет, бедная!

— Да зачем ему, — встревает другой голос, — у них там на востоке деньги-то не в ходу. А девушки наши местные лучше. Сколько раз бывало: придёт придворный господин — и пленится! Придёт пора уезжать, сердце своё тут оставит. И не только сердце...

Как бы чувствительный малый Сюра не увлёкся сверх меры. Намма подзывает его.

— Да ты взгляни, господин, — молвит он, утирая слёзы, — какие тут картинки! Бедная китаяночка...

Картинки на переборках прилеплены и вправду занятные. Китаянка — ничего особенного. Зато рядом косматый отшельник в плаще из перьев. И другой, одетый наподобие мудреца, с посохом, и над ним кружится журавль. Третий едет верхом на помеси лошади с зайцем, четвёртый — на спине у вола задом наперёд. Судя по подписям — все бессмертные, кроме девицы.

А усач тем временем куда-то делся. То ли удрал, не рассчитавшись, то ли с него в этом заведении платы не берут.

— Сюра, видел тут парня?

— Что? Да, видел. Чудной. Не поймёшь — то ли войсковой, то ли разбойник. Сам не при оружии, а ножны нащупывает.

В харчевне, как выяснилось, по местному обычаю, плату берут деньгами. Ещё одна монетка ушла. Впредь нужно будет собирать сведения в более дешёвых местах.

А Сюра до самого вечера смотрел тоскливо и вздыхал. Но песни так и не сложил. Тут подобали бы китайские стихи, а их он, кажется, сочинять не умеет.

Великое Святилище и храм

Великое Святилище и храм при нём на самом деле находятся далеко за стенами Исконной столицы. Но видно их отовсюду. Высокий, как гора, дом Великого Властителя — на столбах из древесных стволов в три-четыре обхвата каждый, и наверх ведёт лестница — как широкая улица, жрецы могут подниматься по пятеро в ряд. Над кровлею всегда клубятся пятицветные облака, вокруг на земле — домики других богов и богинь, не только здешних, но и со всей страны. Будто уши множества зайцев, торчат над оградой

скрещённые стропила этих жилищ. Никакой краски на тёсаном дереве, никаких цветных одеяний — чистота как она есть. А рядом с внешней святилищной оградой — храм Просветлённого Будды, весь в тонкой резьбе, под черепичной чёрной крышей. Его башня кажется маленькой, хоть и она — в семь ярусов.

К жрецам Великого Святилища так просто не обратишься — одно предварительное очищение займёт больше месяца. А настоятель храма письмоводителя Намму принял утром всего после двухчасового ожидания. Деловито и уважительно — скорее всего, это почтение даже не к Полотняному приказу, а к дому Конопля, глава которого возглавляет и Обрядовую палату. Заверил устно и письменно: никто, хотя бы отдалённо напоминающий Хранителя Тайны, в этом храме и окрестных обителях за последние полгода пострига не принимал.

— Мы посвящение даём молодым. Кто выучится и служить будет, молиться о защите страны и ради блага её жителей. А стариков, кто в монахи уходит век доживать, о собственной доле заботится, мы не привечаем.

Намма осмелился спросить: не предпринимали розысков сами Святилище и храм — чудесным путём?

— Не наша наука. Мы исцеления испрашиваем, урожая и потомства. А пропажу высматривать в зеркалах — это не к нам, это в Подгорный край.

Нехорошо, если письмоводитель сказал сейчас что-то в самом деле обидное. Подгорье — это там, где Южная столица, с тамошними обитателями у потомков Великого Властителя некогда была долгая распря. Что до учеников Просветлённого, то из них учёнейшие, как слышно, обосновались как раз в тех краях, и по школярским годам Намма привык, что монаха-ясновидца зовут едва ли не всякий раз, как нерадивое дитя прогуляет уроки незнамо где.

Насколько проще было бы жить, если бы в каждом храме знали и исполняли все обряды! По

крайней мере в государственных храмах. Обрядовая палата их содержит одинаково, и вовсе не за то монахам жалованье шлёт, чтобы каждый углублялся в свою науку, наплевав на все прочие. Это горный отшельник может себе позволить привередничать...

Или... Всё-таки здешний настоятель — один из самых опытных наставников в стране. Мог бы помочь, но по каким-то своим причинам не хочет?

На храмовом дворе жарко и пыльно. Какой-то монах, уже не юный, ходит с метелкой и ведром, окропляет дорожки. Увидел мирянина, сунул метёлку в ведро, схватил Намму за рукав:

— Остерегайся, добрый сын!

У храмовой братии есть эта неприятная черта — распускать руки. Письмоводитель пробует высвободиться, но не тут-то было.

— Воистину горька участь старца, — продолжает монах. — Горька же и смерть!

И тянет за угол какой-то молельни, или что это за будочка у них.

— Не ведаю почтенного имени наставника... — говорит Намма, следуя, однако, за настырным монахом. Краем глаза видит: Сюра подобрался, готов, если что, вмешаться.

— Имя и тело подобны мороку, — сообщает монах, доверительно понизив голос, — Иду к Западу, уповаю на владыку Закатного края.

Это он про того будду, чья страна на западе? Многие надеются после смерти возродиться там, в последний раз перед освобождением из уз жизни и смерти. Иду на Запад — пишется Сайсин, вполне обычное храмовое имя. Этими знаками у него и ведёрко подписано.

— Но чем я могу быть полезен наставнику?

Монах озирается. Шепчет скороговоркой:

— Не ищет пользы странник на Великом пути, ищет сам принести пользу. Ибо сказал Просветлённый ученикам: о, добрые сыны! Боги хранят Праведный

Закон, но жрецы их в капищах клеветают на сынов Будды. Враждебны Истине, хулят искренних, нападают на них с верёвками и колодками, с клинками и жалами!

— Ты сам был свидетелем подобного? — любопытствует письмоводитель.

— Не верь свидетелю, но верь претерпевшему! Кто сам не раз пострадал от козней и насилия.

Поди пойми: это выборка назидательных изречений на любой случай — или всё-таки монах пытается что-то рассказать?

— Единственно чудом избежал гибели, — продолжает Сайсин. — Сохранён ли от того же старец чуткий и прямой — не ведаю.

И грустно, уже совсем попросту добавляет:

— Боюсь, что нет.

Старец?

— Пожилой чиновник из Срединной столицы?

— О да. Вместительный сосуд мирского знания.

Теперь Намма уже слушал со всем вниманием и если чего не понимал, то переспрашивал сразу. Со слов Сайсина общая картина получается такова. Господин Каратати, движимый искренним благочестием, посетил храм и, в частности, имел поучительную беседу с самим наставником Сайсином. Тот открыл паломнику из Срединной столицы ужасную правду: святилищные жрецы множатся, коснея в гордыне, всё заполонили, ожесточаясь сердцем, ни во что ставят Закон и общину, тех же, кто смеет поднять против них голос, преследуют беспощадно, порою и до смерти. Какие именно злодеяния обличали пострадавшие монахи, письмоводитель пока не понял. Но старец будто бы ужаснулся и обещал известить Государя о том, как страдают храмовые защитники Облачной страны. Сказано ведь: прежде гибнет Закон, а за ним и вся держава... После продолжительной беседы старец простился и ушёл — а на следующий день безвестно исчез. Не иначе, похищен, а может быть, и убит!

Плохо, думает письмоводитель. Вот сочту я

сейчас этого монаха сумасшедшим — очень похож! А при следующем посещении храма выяснится, что Сайсин исчез. Или с ним несчастный случай приключился. Или ещё что. И как, хотелось бы знать, потом отчитываться об этом господину Асано? Даже если весь рассказ монаха — не правда и не безумие, а боится он чего-то совсем иного, о чём тут и сказать не решается?

— Долг призывает меня покинуть гостеприимную обитель, вернуться к суетным делам. Не откажет ли почтенный наставник мне в поучительной беседе за пределами этих стен?

— Я-то не откажу, — вздыхает Сайсин. — Но пренебрегать учителем — тяжкий грех! Пойду спрошусь.

Настоятель его, как ни странно, отпустил. Правда, с сопроводительной запиской. Истинно милосердны, мол, миряне, склоняющие свой слух к недужному и слабоумному. Так что, похоже, Намма действительно не первый, кто к нему прислушался.

Не ко времени

Не ко времени, конечно, и вообще не очень уместно было приводить в усадьбу Сайма такого гостя. Хозяин ничего не сказал, будучи человеком воспитанным, но по взглядам челядинцев письмоводитель решил, что слава у наставника Сайсина громкая — и не лучшая. Но что сделано, то сделано. Плохо то, что пересказать в подробностях свою беседу с Хранителем Сайсин, кажется, просто не в состоянии — всё время отвлекается на те дополнительные доводы и свидетельства, которые пришли ему голову уже потом. И помнит больше собственные слова, нежели речи господина Каратати. Похоже, тот в основном кивал и поддакивал, а пространнее высказался лишь однажды — рассуждая о неправомерном противопоставлении должного и чудесного.

— Закономерно воздаяние горем за зло и

счастьем за добро, так учит Просветлённый. Каждый в свой черёд получит сполна по деяниям своим. Это — должное. Боги же милуют и карают, не дожидаясь срока, иной раз и заранее являют свой гнев, дабы удержать человека от злодейства. И это чудо. Противоречия в том нет: у богов сущность та же, что у будд, а дела их соразмерны здешнему миру суеты. Вот и старец разумный то же говорил: одно без другого, закон без чуда и чудо без закона, могут и не впечатлить. Вместе же непременно наставляют на верный путь!

Пришлось письмоводителю удовольствоваться этим рассуждением. Сюра с Урасакой тоже прислушались. Когда монах обратился к молитвенному сосредоточению, охранник заявил:

— Чушь он несёт. Не может такого быть, чтобы жрецы Великого Властителя сквернили себя кровопролитием! Немыслимо, невысказано!

— А ты вот что разумей, — откликнулся Урасака. — Для него же главное — не то, что это святые жрецы. А то, что они — здешняя власть. И боится он их, как у нас в Срединной иные монахи боятся важных сановников. Это всюду одинаково: трепещут перед властью, трепещут, а потом со страху и помешаются...

Поощрять подобные разглагольствования о власти Полотняному чиновнику не пристало. Так что Намма поинтересовался у родича: есть ли в округе некая горка, уподобляемая черепахе? Господин Сайма охотно подтвердил: есть, совсем недалеко, и место это достойно всякого внимания! Вид оттуда открывается восхитительный, и для любителей прекрасного в давние ещё времена на этом Черепашьем холме воздвигнута была беседка Чистого Созерцания.

Это название письмоводитель уже слышал. И решил, оставив монаха на попечение Урасаки, прихватить Сюру и сегодня же полюбоваться с этого холма местными красотами.

Нужно, между тем, сохранять видимость гонца, а

не сыщика. Поэтому письмоводитель движется по городу неторопливо, будто бы его дело уже сделано, а возвращаться в Срединную столицу ещё рано.

Во всём мире главные улицы в городах ведут с севера на юг, но не здесь. В век богов Великий Властитель, направляясь к своему дому у моря, проходил по этим краям, и нарёк один из холмов Барабанным, а другой — Медным. Между ними и проложена главная улица Исконного города, а на тех холмах стоят ныне Восточная и Западная заставы. Потому и палаты царевича выстроены вне городских стен: они должны быть обращены на юг, а стоять не на главной улице им не пристало.

Медные ворота от морского берега довольно далеко, и улица продолжается за ними до самой гавани. Вся она здесь занята базаром. По сторонам лавки и харчевни, на самой улице лотки, бегают разносчики с коромыслами. Продают еду горячую и холодную, дыни, арбузы; предлагают ткани местные и заморские, новые и поношенные. Посуду, обереги, сундуки, книги, благовония и лекарства. Один торговец пытался всучить Намме курильницу — медную, увесистую, на длинной ручке. Удобное орудие убийства, если ты сильный человек. А вот что хорошо бы купить в подарок другу Дзёхэю: бруски отличной китайской туши, вдвое дешевле, чем в Срединной столице.

Разнообразие одеяний необыкновенное. Чиновники в казённом, крестьяне в конопляном, рыбаки без штанов, торговцы в китайском и полукитайском платье. Шапки и платки на головах завязаны на самый диковинный лад. А кто-то вон и вовсе по-дикарски простоволосый...

Перед этим прохожим народ расступается. Что за диво? Распущенные невытые волосы, халат нараспашку в заморских узорах, из-под него круглится смуглое пузо. На лице блаженная улыбка. В одной руке бутылочная тыква на верёвочке, под другой — свёрток, небрежно скатанное платье. Линялое, пунцовое с

белым, алый шнурок болтается. Как раз такое, какое покойный Государь пожаловал хранителю своей Тайны.

Слишком всё-таки людная дорога. Письмоводитель рванулся было к странному незнакомцу — и сразу на пути оказалось десяток-два нерасторопных прохожих. Извиняются, кланяются, но пока Намма пробился вперёд — простоволосый уже исчез из виду.

— Нос похож. И брови, — молвит из-за плеча у Наммы Сюра. — Но, конечно, не он.

— Не кто?

— Молодой слишком. Хоть и сильно смахивает на господина Каратати. Кабы тот омолодился лет на шестьдесят...

Без особой надежды Намма начинает расспрашивать зевак: а кто это был? Почти уверенный, что ему ответят: «Ты о ком? Не было тут никого похожего! Почудилось!» Ан нет: охотно откликаются, просвещают приезжего:

— Так это же совершенномудрый! Киноварный Старец! Обереги пишет — безотказные! И не только обереги — эй, Дзиро, расскажи-ка господину, как у тебя корешок поник, а Старец его вновь к жизни вернул!

— Это он по посвящению Старец? Так-то вроде молодой, — вставляет Сюра.

— Ну, лет ему эдак четыреста-пятьсот, для своего возраста прекрасно выглядит! Только видеть его способны только хорошие люди, для иных он незрим.

— А живёт он где?

— Никому не ведомо. Иные говорят, прилетает к нам с Киноварных гор. Искать его бесполезно — кого надо, сам находит. Внезапно.

Так. Не про этого ли бессмертного крестьяне на дороге толковали? И не его ли видели в наряде Хранителя Тайны? И как на всё это смотрит Святилище?

Надо обуздывать свою подозрительность. А то Намма уже за каждым словом слышит какую-нибудь гадость. В других столицах святые мудрецы почём зря

не гуляют по базарам у всех на виду. А тут — полна улица хороших людей, видите ли!

В таких раздумьях письмоводитель благополучно добрался до Черепашьего холма. Вид отсюда действительно открывается хороший: внизу — зелёный склон, ручей меж деревьев течёт на запад, а дальше белеет берег и блестит море. И беседка стоит, резная, изящная, вся в стихах: кто бумажку прилепил, кто прямо на столбе песню начертал. Самые разные почерки, самые разные стихи — и среди них Намма через полчаса обнаружил искомую руку. Хоть и стар господин Каратати, но кисть у него не дрожит.

*Словно бы пеплом подёрнулись тёмные листья
лимона;*

Но лепестки хризантем чистой росой блестят.

Строки на Облачном наречии, написаны явно недавно, этим летом... Летом? Как мог стихотворец, блиставший на придворных состязаниях перед самим Государем, сложить летом песню про осенние цветы? Даже мальчишка такой ошибки не сделает! Да ещё своей подписью засвидетельствовать: ведь «Каратати» и значит «Лимон».

Но, может, и хризантема тут тогда — не просто растение?

Сюра, конечно, тоже уже что-то карябает на столбе с увлажнившимися глазами. Письмоводитель скользит взором вниз по ручью. Что-то шевельнулось в высокой сочной траве, подпрыгнуло, понеслось — заяц. Провожая его взором, Намма вздрагивает. Дальше по берегу, под старой ивой, в расслабленной позе сидит господин Каратати. Не Хранитель Государевой Тайны, а внук его, средний советник Податной палаты. Тот самый, которого неотложные дела держат в Срединной столице.

Поистине неожиданная встреча

— Поистине неожиданная встреча!

Намма, конечно, молод и не так уж долго служит в Полотняном приказе. Но уже хорошо умеет произносить самые любезные слова тем зловещим голосом, какого и ожидают от чиновника его ведомства. И на господина Каратати это, кажется, действует — по крайней мере смутился.

Но ненадолго. Ответил столь же учтивым приветствием и сразу перешёл к делу:

— Смею обратиться — а не мог бы господин письмоводитель прямо тут, на месте, забить меня в колодки?

Вот что забыли взять в дорогу! Но, конечно, в случае нужды колодки и в Западной столице найдутся. Только откуда бы у среднего советника взяться таким устремлениям?

Вот так всегда. Хотел ввергнуть в смятение — а сам смутился и уже самым обычным голосом ляпнул:

— А... зачем?

— Причин, полагаю, достаточно, — спокойно отвечает господин Каратати. — Во-первых, я самовольно покинул службу, Столицу, приплыл сюда. Поддельную подорожную готов немедленно сдать. А во-вторых — я, как любящий внук, уповаю на то, что если буду ввергнут в узилище, сие побудит моего почтенного деда объявиться. Или хотя бы подать о себе письменную весть. При всём своеобразии его нрава никто не может сказать, что господин Хранитель — невнимательный и беззаботный семьянин.

Если всё это намёк на какую-то заморскую историю о почтительном сыне, то Намма её не читал. И вообще — дело нешуточное: за всё названное средний советник действительно может лишиться места очень легко. Впервые у Наммы в руках — участь и служебное будущее высокопоставленной особы.

— То есть господин средний советник уверен, что его достойный дед скрывается по собственной воле?

— Если бы я был в этом уверен! В том-то и дело, что нет. Это и не даёт мне покоя.

— Буду рад выслушать подробнее возникшие соображения, — говорит письмоводитель и осторожно опускается на траву. К счастью, не слишком влажную. Сюра остаётся стоять рядом с видом, что колодки у нас наготове, в беседке спрятаны.

Средний советник Каратати начинает:

— Должность деда моего, как тебе известно, не наследственная. После... Перед началом нового правления...

Вовремя поправился, не стал говорить: после кончины прежнего Государя.

— ... Дед мой ушел в отставку. И как я знаю, никому не передал дела. До сих пор.

Иначе говоря, новый Хранитель Тайны на смену ему не назначен. Впрочем, должность введена была как чрезвычайная, может быть, теперь её и не будет вовсе. Но тогда последовал бы указ о её упразднении. А такого не было.

— Я опасаюсь вот чего, — мрачно продолжает Каратати. — Не получил ли мой дед в своё время особых, последних указаний от государя Хакусэцу? Предназначенных уже для будущего царствования. И не связано ли нынешнее дедово исчезновение с тем, что он эти указания выполняет... Или ему мешают их выполнить?

— Если уж господин средний советник допускает такое предположение, — отзывается письмоводитель, — то нельзя ли услышать, кому бы, по его суждению, угрожало то, что отставной вельможа исполняет волю прежнего Государя?

Каратати бросает задумчивый взор в сторону моря.

— Не исключаю, что тут возможно... два домысла. Первый: откуда уходят корабли, туда же они и приплывают.

То есть поручение связано с заморскими делами?

А почему бы нет? Некий замысел, тайный от Посольского ведомства. А оно прознало и решило перехватить — господина Каратати, если уж неизвестны имя и обличье того китайца, с кем Хранителю предстояло встретиться здесь, в Западной столице?

В таком случае речь идёт о государственной измене, причём не отдельного лица, но целого ведомства. Или о клевете на таковое. И в том, и в другом случае здешних возможностей и полномочий Наммы отчаянно не хватает. Эх, если бы можно было поговорить с Дзёхэем — он служит как раз по посольской части, мог бы что-то знать...

Если всё так — к кому в Западной столице следует обращаться за помощью? К господину Усаги и его святилищной страже? К царевичу-посланнику?

— Второй домысел ещё хуже, — вздыхает Каратати-младший. — Яснее сказать не могу, но вот послушай. Ты, конечно, прекрасно помнишь летописи прежних правлений Облачной страны...

Ну, да, как не помнить, Намма ведь ещё юн, только что из Училища. Это имеется в виду? Ладно, посмотрим, обижаться или нет.

— ... И ты как чиновник Полотняного приказа, разумеется, уже сейчас можешь отметить, чем будущая летопись... Чем рассказ о первых годах правления государя Унрина будет разительно отличаться?

Как чиновник Полотняного приказа. Это касается указов — или должностных преступлений? Бывали среди потомков Великого Властителя такие, кто в начале царствования, едва объявив прощение прежним осуждённым, принимался немедленно судить и карать новых. Но никогда это не было обязательным, так что тут нынешнее правление не назовёшь необычным. Указы. Какие бы ещё указы могли иметься в виду? Ох...

— Средний советник ведёт речь не об объявленном, а напротив, о непрозвучавшем?

Каратати кивает ещё мрачнее:

— *Белые зайцы нередко встречаются в древней Столице...*

Если же звери белой масти попадают в других краях, то о них немедленно сообщают во Дворец, в Обрядовую палату, как о благом знамении.

Так вот о чём речь. Указы о благовещих приметах. В летописях они сопровождают начало каждого царствования. А за шесть лет нынешнего правления ни один такой указ через Полотняный приказ не проходил. Почему? Простейшее объяснение — потому, что знамений просто не было. Более сложное — что они были, но до Обрядовой палаты вести о них не дошли — или за её пределы не вышли. И то, и другое, если вдуматься, очень скверно. Или боги в этот раз не приветствуют нового Властителя Земель. Или доверенные его сподвижники скрывают волю богов. Последнее лучше обдумать отдельно. Измена в Посольском ведомстве — ужасна, но измена в Обрядовой палате — совсем уж немыслима! И даже самый отчаянный средний советник не решился бы намекать на такое человеку дома Конопля.

— *...Радостно чудо узреть в этих священных местах!* — заканчивает песню Намма самым пристойным образом. Каратати, однако, смотрит прямо на него — выжидательно и совершенно неучтиво.

— В этих священных местах... — повторяет он.

За следующую мысль, пришедшую в голову Намме, ему подобало бы самого себя забить в колодки. А что, если покойный государь Хакусэцу предвидел, что начало правления его внука не будет отмечено добрыми знаками? Вместо этого оно пока отмечено событием не то чтобы небывалым, но редким — новый Властитель Земель отправил собственного брата, царевича Кандзана, в ссылку, где тот вскоре и погиб в бурных водах. По всему, что известно — и уже записано в летописи — о добром государе Хакусэцу, ясно, что это его глубоко удручило бы.

Что, если прежний Государь велел своему Хранителю Тайны: посмотри, как пойдут дела у моего внука-наследника, и если пойдут неважно — тогда позаботься, чтобы его сменил достойнейший. А кто? Сын государя Унрина, трёхлетнее дитя? Царевич Оу, славный песнями и любовными приключениями в Столице? Или... Или понятно, почему мы здесь. Прежний Государь думал о том своём родиче, который здесь, посланником при Великом Святилище. Взять да сменить Срединную ветвь государева рода на Западную.

Не может быть. Если бы речь шла о чём-то подобном — на поиски старика направили бы не двадцатилетнего письмоводителя, а кого-нибудь поопытнее и познатнее. Если, конечно, эти опытные и знатные сейчас не сидят во Дворце и не держат совет о том, что делать дальше. Это к тому же и безопаснее для них.

Хорошо, что перед выходом из дома Намма обновил белила на лице. А то был бы сейчас уродливо красен. Но говорить надо холодно и внушительно по мере сил:

— С колодками повременим. Однако прошу соблюдать величайшую сдержанность. Обо всех новых сведениях и соображениях, господин средний советник, сообщайте непосредственно мне.

Каратати кланяется парню лет на десять моложе и на четыре ранга ниже себя. Неудобно, конечно, но ради сохранения тайны — необходимо. Особенно если потом отыщется другое, более утешительное объяснение происходящему.

Большой был ходок

— А большой, оказывается, был ходок этот господин Каратати!

Каков вождь, таковы и сподвижники, каков господин, таковы и слуги. Урасака, оказывается, не только монаха весь день стерёг, но и собственное расследование вёл. Созвал челядь, здешнюю и

соседскую, послушать проповедь. О бедственном нашем житье в мире суеты. А ведь известно, что даже самых немногословных пробирает на разговоры, когда требуется сидеть и молча слушать! И Сайсин доволен, хотя и цыкал на болтунов, — и главное, Урасака собрал немало пересудов. Правда, большинство из них касается не последнего посещения господином Хранителем Западной столицы, а предыдущего, давнего.

— Он, говорят, хоть и тогда уже в немалых летах был, а ни одной местной красавицы не пропустил. Из всех званий. Тут кое-кто болтает, что знал он особое слово по бабской части — оно-то и есть Государева Тайна!

Странно. В Срединной столице славы любимца женщин за господином Каратати вроде бы не водилось. Хотя письмоводитель, собственно, и не пытался что-то узнавать о любовных успехах почтенного сановника, тем более — тридцатилетней давности.

— Притянутый крюком желанья движется вслепую, не ведая своего пути! — замечает Сайсин.

— И не говори, наставник! — кивает Урасака.

— Хорошо. А имена какие-нибудь называли?

Как выяснилось — ещё как называли. Женщины действительно разные — некоторые из древних, почтенных местных семей, другие — знаменитые красотишки из весёлых домов, даже какая-то нищая солеварка затесалась — правда, говорят, тоже была несказанно хороша собой. Как и ожидал Намма, расспросить их, скорее всего, не удастся — одни уже давно умерли, другие в Исконной столице были в паломничестве и отбыли восвояси, третьи просто сгинули без вести. Здесь ещё вспоминают стихи одной дамы, обращённые к Хранителю — Урасака их, впрочем, не запомнил; о солеварке рассказывают трогательную историю — как, покидая её, господин Каратати оставил ей на память не красивые строки (ибо была она неграмотна), а свой халат и шапку, и бедняжка

обливала их слезами, пока не зачихала с тоски.

— Другие, впрочем, говорят, что дело было не так, — добавляет Урасака. — Просто господин Хранитель у этой девки был не единственный, как-то в самый неподходящий час к ней явился дюжий рыбак, и пришлось господину спешно покинуть милую, бросив в её хижине всё. На память.

— Ну хорошо. Распространять далее подобные сплетни мы, конечно, не будем, — молвит Намма со всей убедительностью, — однако хотелось бы знать: неужели и в этот раз, будучи глубоким старцем, высокий гость снискал такую же славу?

— Тут дело плохо, — разводит руками Урасака. — Скрывают!

Письмоводитель хмурится: так и знал, что это никуда не приведёт! Но тут внезапно вновь вступает монах:

— Если об этом и ходят разговоры — правдивые ли, клеветнические ли, — то не иначе как в притонах разврата! Увы, изобилует ими Исконная столица, и если б вы знали, кто им оказывает nepoзвoлитeльнoe покровительство!

— Притоны разврата, говоришь? — оживляется Сюра. — А какой из них тут самый лучший?

Сайсин воздевает руки:

— Что есть «лучший притон»? Ужаснейший! — и деловито сообщает: — Восточное предместье, заведение, отмеченное столетним персиком в саду. По нему и прозывается.

На что только не приходится идти Полотняному чиновнику по долгу службы!

Персик Западного Царства

«Персик Западного Царства» — заведение чистое и, судя по всему, недешёвое. Если бы расследование было явным, можно было бы просто предъявить печать, но при нынешних обстоятельствах это неуместно. Как и во всём городе, здесь бросается в глаза смешение

несовместимого: столбы и балки сияют чистой простотою, зато всюду — какие-то красно-зелёные циновки и заморские расписные кувшинчики. Девушка, к которой направили Государева гонца, — кажется, ещё молода; искусно покрашена, платье в китайских узорах, на веере — зимородок, из замысловато уложенных волос торчат гнутые шпильки в пядь длиною — почти как на той кабацкой картинке. А поодаль, спиною к письмоводителю, расположился... другой посетитель? Или сводник?

Широкая спина, скромный халат, волосы небрежно перехвачены верёвочкой. Между ним и девушкой стоят несколько тыквенных бутылок, и он по ним что-то сосредоточенно раскладывает. Очередной лекарь? В харчевне — пилюли для пищеварения, в весёлом доме — понятно какие снадобья... Только этого не хватало!

Девушка склоняется в приветствии, щебечет что-то любезное с чудовищным заморским выговором, половины не разобрать. Лекарь ловко поворачивается прямо на коленях, смотрит на Намму снизу вверх из-под густых бровей. Ба! Уж не Киноварный ли это Старец?

— Счастливая судьба ведёт тебя, юноша, — молвит он. — Ещё немного, и ты очутишься в подобающую пору в должном месте.

Делает знак: садись! Внимательно приглядывается.

— Вижу: благими приметами отмечен твой облик. Взор тигриный! Или почти тигриный, всяко неплохо. Не позднее тридцать шестого года жизни достигнешь высших отличий по службе. Уши...

Письмоводитель не просил гадать ему по чертам лица. Или тут принято с этого начинать?

— ... Прекрасные уши, как у зверя Куя. Невредимым ты избежал уже шести великих опасностей, и в будущем... так-так... не меньше восьми ещё избежешь. Щёки, подобные плодам персика. Сможешь наслаждаться отменным здоровьем, ежели не

предашься излишествам. В правом рукаве держишь нечто, что спасёт тебя ещё до ближайшего полнолуния. В левом... Ээ... Нет, в левом — ничего.

Ну, вот. Великое Святилище ясновидцами не славится — не удивительно, что на этот случай свои услуги предлагает шарлатан. Между прочим, у Наммы в обоих рукавах полно полезных вещей. И должностная печать, и записи, и деньги...

Не особенно прислушиваясь к гаданию, Сюра подсел к девице. Она щебечет: «Осинь приятно лисезлеть...»

— Искомое лицо ближе, чем ты думаешь, — продолжает Старец.

Вот как тут исполнять тайные поручения? Или это обычная уловка: каждый кого-нибудь ищет, любому рано или поздно предстоит дальняя дорога...

Раз уж он намекает — не спросить ли напрямую?

— В прошлый раз я видел тебя с неким примечательным свёртком. Где он?

Старец подмигивает:

— Не любая одежда всюду уместна. Здесь...

— Одежда, значит. А дальше?

Шарлатан усаживается поудобнее:

— Во младенчестве, — начинает он, — одевали меня в красное. В двенадцать лет надели взрослую шапку, примерили мне родовое облачение Лимонного дома. Потом, с каждым пятилетием, наделяли меня при дворе новым нарядом смотря по чину. В сорок лет отказался я от охотничьего кафтана. В преклонные лета удостоился пожалования, почётного платья. Затем оделся в траур, скорбя о Государе, милостивом своём господине. Ныне же вернулся к истокам и могу носить, что хочу. И куда хочу.

Эта наглость начинает надоедать. Письмоводитель опять краснеет под белилами. Неужто этот молодец и вправду надеется сойти за помолодевшего Хранителя Государевой Тайны? За бессмертного мудреца, или кого он изображает.

— А с которого года обратился ты к скупке краденого? Или — к воровству, грабежу? Или...?

Девушка немедленно насторожилась. Поправляет причёску, осторожно вытягивает шпильку — длиной с хороший кинжал. Сюра начеку, коленом прижимает к полу её рукав: и руку не выдернешь, и кидаться не получится.

— Грубая скотина, — шипит она на отличном Облачном наречии. — Не умеешь себя вести, так не ходи в приличные лечебницы.

Вот, оказывается, мы где. А что? Снадобья в тыковках, целебные растирания, советы учёного предсказателя... Недаром говаривал главный сыщик Полотняного приказа: если здоровый лечится, значит, совесть у него больна.

Старец добродушно вскидывает брови:

— Да ладно, начальник!

Так-то лучше. Небожитель пересаживается по-простецки, на задницу, разворачивается к Намме нечистыми ногами. Учёная мина сменяется родной жуликоватой ухмылкой:

— Какая кража, какой грабёж? Это моё законное наследство.

И пригорюнился:

— От матушки...

— Твоя матушка хаживала в дворцовых нарядах?

— Ах, кабы так! Увы, матушка моя — простая женщина из бедной рыбацкой деревни. Воду морскую вёдрами таскала, соль выпаривала, воды не хватало — слезами доливала. А тут явился из вашей Столицы, на радость ей и на горе, важный господин, не то чтоб юн, но ласков и тароват. Часто ли такие люди снисходят к бедным девушкам? Песни пел, сладостями кормил, на семью жаловался, ну и всё прочее... А как пришла ему пора возвращаться на восток — уехал, и вестей потом не подавал. Всё, что матушке моей осталось на память — это его наряд да шапка; в них она и пеленала меня, бедного байстрюка. Так я и вырос, обратился к учению,

обрёл чистое знание — а всё равно горько, как вспомню матушкины слёзы! Так что всё чисто с этой одежкой, господин хороший.

— Так. А что случилось с твоей матерью?

— Так увы же! На Заячьем острове она.

— Где-где?

— Он же — Остров брошенных старух. Тут, в заливе. Она, матушка, рано состарилась в горестях своих. Не желая быть в тягость, сказала, рыдая: «Отвези-ка ты меня, сынок, на Заячий остров — не хочу быть тебе обузой!» Нелегко было мне покориться материнской воле — да что делать? Свёз, и сердце моё с тех пор исполнено сугубой тоски!

Сюра, продолжая сидеть на рукаве красотики, уже тоже оттирает слезу. Спрашивает:

— Там хоть пресная вода и дикие коренья есть, на острове этом?

— Не то чтоб совсем нет. Но, горе! Там ведь этих брошенных старух и стариков столько — всё подчистую подмели! Живут, подобно голодным духам. А кто и помирает, конечно.

— Так чем же они там живут? — спрашивает Намма.

— Милостью Великого Властителя, чем же ещё?

Письмоводитель начал выспрашивать подробности. По годам всё сходится — бессмертному как раз около тридцати получается. Имени и должности своего отца он или правда не знает, или упорно не желает говорить. Выбивать из него показания не выйдет — если он слывёт святым человеком, шум поднимется непозволительный, и вдвоём с Сюрой Намма может не справиться с почитателями Киноварного Старца. Но кое-что можно спросить по-хорошему:

— А не знаешь, в последнее время на этот ваш остров никаких новых старцев не отвозили?

— Да как же! Слава-то о том острове широко идёт, иные своих старичков сюда за сотни вёрст доставляют.

Слезами умываясь, оплатят переправу, попрощаются — и всё!

Очень похоже, что кто-то морочит Намме голову, наводит на ложный след. Но этого не проверишь, не пройдя по тому следу. Лишь бы и он не оказался заячьим.

Сюре, похоже, то же приходит в голову:

— Ну что, господин, сплаваем?

— Ха! — говорит уже несколько успокоившаяся девица. — Да кто ж вас туда пустит! Молоды ещё!

— А кто знает, — качает головою Киноварный Старец. — Знаки-то благовещие налицо. Может, и выйдет у господина.

Подозрения раздражают

Подозрения раздражают порою даже сыщика из Полотняного приказа. Особенно когда он начинает подозревать, что рехнулся.

Полдня Намма расспрашивал всех о Заячьем острове, на который увозят стариков и старух — как бы туда добраться? Все, от господина Саймы до последнего гаванского пьяницы, заверяют его: нет такого острова! Проще всего было бы решить, что Киноварный Шарлатан соврал. Но ведь он на прощанье вывел Намму на холм, махнул рукой в сторону залива: «Вон тот!» И был там остров. И потом письмоводитель его видел, и кое-кому из вопрошаемых показывал, тыкая во влажную дымку сложенным веером: «Ну, вон тот?» — «Увы, господин письмоводитель, не разгляжу. И никогда в этом месте никакого острова не бывало».

Ничего удивительного, что на остров, которого не существует, и лодки не ходят. Ни за какие деньги. По крайней мере — не за те, какими располагает Намма.

Единственный, кто помог письмоводителю сохранить остатки разума, был монах Сайсин. Он о Заячьем острове слышал, и об обычае по части стариков — тоже, и обычай сей считает предосудительным. Где именно лежит тот остров и как туда добраться — он,

однако, никогда не любопытствовал. Ибо жизнь наша подобна росинке, и верхом глупости было бы готовиться к долгой старости, когда скончаться можешь во всякий час. От внутренних причин или от гнева властей неправых.

В общем, многие часы потрачены без малейшего толку. Намме даже за обедом кусок в рот не идёт. В отличие от Сюры и Урасаки — те оба уписывают угощение и добавки просят. Вслух, настойчиво — даже неудобно перед родичем.

Впрочем, господина Сайму один гость с телохранителем да слугою не объедят. А вот каково приходится Кудзу? Он ведь с начала лета кормит всю ораву, прибывшую с Хранителем. Хорошо хоть, Каратати-младший прибыл тайно, без многочисленной свиты.

Прибыл и попробовал сдаться чиновнику Полотняного приказа. Не преуспел — и что будет делать дальше? Что там монах говорил о здешних властях: кто самый жестокий? Может, Каратати к ним в узилище навязался, чтобы деда выманить? Надо проверить.

И снова ничего не понятно. Из дома Кудзу средний советник ушёл утром и до сих пор не возвращался. Не появился и к вечеру. Что же, завтра опять идти к господину Усаги? Или во дворец Государева посланца? И скажут там опять, что знать ничего не знают. Удивительно, как они про старшего-то господина Каратати напрочь не забыли — какой, мол, старик? Не видали старика...

— А может, внук-то дома, просто к тебе не выходит? — предполагает Сюра.

И то сказать: отчего бы господин Кудзу стал говорить Намме всё как есть?

— Прячется в усадьбе?

— Там есть где спрятаться, — говорит Урасака. — Хоть в хлеву, хоть на поварне, хоть в нужнике, в конце концов.

— Можно проверить, — решает письмоводитель.

Сидеть в засаде ему и раньше доводилось, а вот самому устраивать засаду — пока ни разу. Но надо же когда-нибудь начинать.

Монаха оставили на попечение господину Сайме. А сами двинулись к дому Кудзу. Намма стучит у ворот, ещё раз осведомляется, не вернулся ли средний советник. А Урасака и Сюра тем временем забрались на внешнюю глинобитную стену и смотрят оттуда, не начнётся ли во дворе какая-нибудь суета. Нет, всё тихо. Намма заходит посмотреть на дорожный припас Каратати-внука: вдруг что-то подскажет подбор вещей, которые тот оставил? Кудзу с сонным видом ходит за письмоводителем, тени их хорошо видны за бумажными дверями. Остальной дом тёмный, никто тут по вечерам не читает, не работает, не выпивает, ничем таким не занимается, чего нельзя делать впотьмах.

И всю ночь тихо. Намма вышел, устроился тоже на ограде. Тепло, сыро, даже когда лежишь высоко от земли, всё равно одежда набирается влаги. Около полуночи письмоводитель чуть не задремал. Удачно, что тут почти никто не держит собак — чтобы зайцев не обижали.

Тихо в Исконной столице. Только время от времени с дерева в саду Кудзу что-то шлёпается в траву с противным звуком. Какие-то местные плоды, а может, древесные лягушки.

Перед рассветом явился рыбак с большой корзиной. Должно быть, с ночного лова, по заказу господина Кудзу — минуя рынок, сразу сюда. Повар к нему вышел, принял корзину — рыбак остался ждать.

Из той части дома, где ночуют носильщики господина Хранителя, кто-то выходит. Направляется к нужнику? Нет, к поварне. Чем-то обменялся с рыбаком и махнул ему рукою: ступай, мол. И — в дом.

Пока тот идёт, громко шаркая ногами, самое время: Намма скатывается вниз, во двор усадьбы, под крыльцо. Сквозь щели между досками видит слабый свет: зажгли фонарь. Зашептались. Голос старшего

слуги Хранителя читает вслух по слогам.

— Хозяин пишет: «Пускай не-ме-для кто-нибудь из вас про-во-дит молодого барина на За-пад-ный причал. Лодка будет ждать. С собою ничего брать не сле-ду-ет». Вот незадача! А молодого господина-то и нету!

Иногда трудно решить, действуешь ты расторопно — или опрометчиво. Но уже действуешь. Письмоводитель вылезает из под крыльца. Отряхивается, приосанивается, достаёт из рукава печать, отодвигает створку двери и сообщает ошеломлённым чужим челядинцам:

— Я за него!

Так и отправились

Так и отправились на Остров покинутых старух.

Без возражений со стороны господина Кудзу, конечно, обойтись не удалось — но письменоводитель глядел грозно, вещал непререкаемо, за плечом у него уже объявился Сюра со своим неразлучным мечом. В общем, договорились. Хранителей скороход отправился провожать Намму и его спутников к причалу, а остальным было строго-настроено велено делать что угодно, но разыскать среднего советника и уведомить его о происходящем. Похоже, нигде его не прячут — правда пропал, и Намме это нравится не больше, чем Кудзу.

У причала и впрямь ждёт среди прочих длинная узкая лодка, в ней с веслом стоит долговязый малый без штанов. Внутри сидят ещё четверо гребцов. Скороходу старший кивает, по письменоводителю только взглядом скользнул, а при виде Сюры и Урасаки насторожился:

— Это ещё кто?

— Это со мной, — небрежно заявил Намма. — Так надо!

В Срединной столице и последний лодочник отличил бы служебное платье письменоводителя от среднего советника, но этот вроде ничего не

заподозрил — видать, Каратати-младшего раньше не встречал. Получилось!

Моряк из Наммы плохой — всю дорогу он пытался понять, действительно ли лодка идёт к тому острову, на который показывал Киноварный Старец, да так и не разобрался. Ну, ещё и туман мешал — берег из него появился внезапно: белая полоса песка, зелёная — травы, бурая — тропы. А дальше — хижины, домишки, чуть ли не город с хоромами и улицами, только что без стен.

Высадившись, Намма сделал было шаг, но лодочник заступил ему дорогу.

— Расплатиться бы надо, молодой господин, — ехидно говорит скороход.

Письмоводитель достаёт связку монет. Перевозчик качает головой, молвит что-то непонятное. Скороход переводит:

— Нездешние деньги.

И кто тут незаконно чеканит свою монету? Зайцы? Или старухи? Других денег у Наммы всё равно нет, и платя лишнего, чтобы расплатиться, с собою не захватил. Лук — и тот у Саймы остался.

— Господин! — шепчет Сюра. — А зайка-то при тебе?

— Какой ещё зайка?

— Тряпочный.

— А зачем...

Но не дожидается ответа, лезет в рукав. Достает дочкин подарок, развязывает узлы. Внутри и впрямь заморская денежка, сильно стёртая.

— Это тут откуда?

— Не знаю. Так и было, — разводит руками телохранитель.

Ладно, некогда. Письмоводитель потом будет разбираться, откуда у маленькой Садако иноземные монеты. И с какой стати — а главное, когда? — Сюра Гэнгоро так тщательно обыскал его вещи. Не заметил, сам дурак. Это же надо было развязать, осмотреть,

завязать как было...

— Подойдёт? — показывает Намма монету. Перевозчик взял, поскрёб, сунул за щеку. Уступил дорогу.

Все вчетвером двинулись вглубь острова, скороход путь показывает. Бегают непуганые зайцы. Бродят с утра пораньше покинутые старухи. Не то чтоб все на одно лицо: вот эта, скажем, — саженного роста, в синей вышитой кофте, с длинным ножом у пояса, с висячими усами, зычно говорит что-то перевозчику на непонятном наречии. Но есть и подлинные старцы — седовласые, чистенькие, неучтивые — проходят мимо, не кланяясь и даже будто бы вовсе не замечая приезжих. Густо заселён Заячий остров, если это действительно он. И живут тут не бедно. Особенно по части заморских товаров.

Около нарядного, красно-зелёного домика Сюра остановился, с любопытством заглянул внутрь. Намма последовал его примеру. Светильник теплится, выхватывая из темноты узор на стене, полку с книгами. Посередине здоровенное расписное изваяние в древнем платье. На табличке надпись старинными знаками: «Самый совершенный человек и первоучитель наш, мудрец Коси». Но скороход торопит — не дал воину сложить песню!

Прошли почти через всё селение. Остановились возле ровной изгороди, провожатый поскрёбся в калитку — та и отворилась. За нею стоит статная, крепкая старуха лет пятидесяти, одета по-простому, а в ушах дырки, в дырках — жемчужные подвески. Но по лицу — не из южных дикарей, женщина как женщина. Смотрит с изумлением, говорит на Облачном наречии:

— Кого это ты притащил? Ну, барин тебе устроит!

Скороход бьёт поклоны, винится:

— Приневолили...

Намма, всё ещё сердитый, выступает вперёд, кланяется:

— Письмоводитель Полотняного приказа Намма

из дома Конопля. Смею настоятельно просить о встрече с господином Хранителем Государевой Тайны!

— Ошибся ты, господин хороший, — решительно отвечает старуха и начинает закрывать калитку перед носом у Наммы. Сюра уже готов вмешаться, и вдруг откуда-то из-за изгороди доносится надтреснутый, но звучный голос:

— Ну уж заходи, раз пожаловал! Хоть объяснишь, что стряслось!

Точно — он!

— Точно — он! — шепчет из-за плеча Сюра. Урасака крикает.

Сам Намма, конечно, не опознал бы Хранителя Государевой Тайны среди других здешних старичков. Без почётного платья, вообще одетый по-домашнему, вместо шапки на голове косыночка повязана; лицо не набелённое, морщинистое, длинное — зато с бородкой; костлявые пальцы крутят какой-то лаковый ларчик. Блестящие глазки перебегают с гостей на старуху.

— А мы-то не вас ждали, — говорит она разочарованно.

Письмоводитель отвечает земной поклон. Ну вот, нашёл. Стоило бы, право, перед тем подумать — а что он, Намма, скажет господину Хранителю при встрече? Подумать, а ещё лучше — спросить заранее ценных указаний на этот счёт.

— В Срединной Столице чрезвычайно обеспокоены безвестным отсутствием господина... — начинает Намма, но старец перебивает:

— Как это — безвестным? Я ж всем сообщил: уезжаю в паломничество! Уже забыли?

— Не забыли и справлялись; но по каким-то причинам господин Кудзу, принимавший вас здесь, объявил о вашем исчезновении. Были предприняты тщательные розыски.

— Кудзу — юноша почтительный, делал, что старшие велют; но чрезмерно усердный — потому делал

и больше. А зря, — ворчит Хранитель.

А дальше — что? Пока письмоводитель соображает, старик сам приходит ему на помощь:

— Ну, очень хорошо. Тщательные розыски увенчались успехом, можете доложить, кому положено, что видели меня в добром здравии.

Хорошо бы, но такой доклад у письмоводителя не примут. При всей снисходительности к его молодым годам и скудному опыту.

— Покорнейше прошу уточнить: видели господина в добром здравии — где?

Старуха хихикает. Хранитель поводит плечом:

— Здесь, на Заячьем острове.

— Имеется одно затруднение, — Намма старается говорить казёнными словами, но таким голосом, как разговаривает дома с детьми. Потому что не понятно: старик издевается или всё-таки выжил из ума. — Знающие люди нам говорили, что такого острова не существует.

— Где? Во Дворце, в Срединной столице, по дороге?

— Даже в Великом святилище.

— Нашли кого слушать. Ни об одном из островов Облачной державы, я тебе скажу, нет общего мнения, существует он или выдуман.

— Но как же? Восемь больших островов: Пенный, Одиночный, Четверной, он же Южный за проливом, Девятерной, он же Цукуси, Верный, Главный, Помощный и Тайный. Все собраны Копьём и Вервием Великого властителя земель. Также восемьдесят средних островов и восемь тысяч малых...

— Сам считал? — любопытствует старец. — Тогда добавь ещё и Заячий.

На что они рассчитывают? На одну из Государевых тайн, которая в том и состоит, что некоторые земли ни в учебниках, ни где ещё не числятся? А если Намме и его спутникам поверят, а если сюда казённых землемеров пришлют? Или уверены, что

доклада не будет, что письмоводитель отсюда просто не выберется?

— Расскажи юноше подробности, — велит Хранитель старухе.

Она начинает нараспев, с таким западным выговором, что половины слов не разберёшь:

— Как Великий Властитель Копьё забросил, за Вервие потянул, Главный остров-то тяжеленок оказался. Тянет-потянет, вытянул весь, только малый краешек и оторвался, у берега остался. Глянул Великий Властитель: «Мелок островок — на заячий скок!» А верный его Заяц и молвит: «Мне сгодится!» С той поры и зовётся эта земля Заячьим островом, и тут всё по-прежнему хорошо, как при Великом Властителе было. Не всякому сюда путь открыт, не всякому — и отсюда.

Старец подхватывает — на хорошей, столичной Облачной речи:

— Многие века назад правил Поднебесной страну государь Хата, Первый Император. Всё, что хотел, обрёл, и пожелал вечной жизни. Сказали ему: за морем на востоке есть острова бессмертных, и снарядил он на поиски тех островов два корабля, один с сотней чистых юношей, второй с сотней чистых же дев. Доплыв до Заячьего острова, высадились они... И решили тут остаться навсегда. Так и живут до сих пор. С востока и с запада гостей принимают. Сам посуди: такую тайну узнав, кто ж её делиться-то будет?

Тихо, но внятно Урасака произносит за плечом у письмоводителя:

— Влипли.

Но Полотняные чиновники так легко не сдаются:

— Вынужден просить господина Хранителя проследовать со мною ко двору для личного доклада. Дело, по суждению моему, представляет чрезвычайную важность.

— А письменное предписание у тебя с собой? — ласково спрашивает старик.

Было бы с собой, ты бы его уже читал. Пока
письмоводитель подбирает слова, вновь вмешивается
старуха:

— Бумаги — ладно! Мальчиков, мальчиков-то вы
куда дели?

— Каких мальчиков? — окончательно растерялся
письмоводитель, а Сюра, скрипнув доспехом, небрежно
спрашивает:

— Этих, что ли?

И отодвигается, освобождая проход. За порогом
стоят двое: средний советник Каратати и Киноварный
Старец.

— Опаздываете! — укоризненно качает головой
Хранитель. — Чтоб это было в последний раз!

Оба кланяются, средний советник начинает
длинно и путано извиняться за промедление, Старец его
прерывает:

— Понимаешь, батюшка, племянник меня сам
разыскал. Ну, выпили чарку-другую, засиделись,
заболтались... проспали в общем!

— Винопийство тебе не пристало! — укоризненно
говорит хозяйка. — Оно жизнь сокращает, тебе ли не
знать, обормоту!

— Ну так гость же, матушка!

— Что — гость? У нас вон тоже гости — мы их, что
ли, пьяными напоили?

И захлопотала, убежала за занавеску, загремела
посудой. Только тут письмоводитель сообразил, что из
задней части дома всё это время доносился мерный
глухой стук — словно кто-то рис в ступе толлок.

— Я-то думал сам вас познакомить... — вздохнул
Хранитель. — Ну, садитесь. Перекусим, потолкуем...
Серебро-то привёз?

— Да, дедушка! — Каратати-младший
встряхивает тяжёлым рукавом. — Буду счастлив
услышать твою волю.

Но пока бывшая солеварка не принесла чашки с
едою, господин Хранитель медлил, прочёл стихи о

сменяющихся поколениях, представил сыну и внуку письмоводителя. Те выразили радость по случаю приятного знакомства. Намма тоже не подал виду, что явился на Заячий остров незванным. Сюра со слезами на глазах умиленно смотрел на встречу родичей после разлуки.

За обедом старик, наконец, перешёл к делу:

— Вернёмся в Столицу все вместе. Пришла пора открыть Государю его Тайну.

Письмоводитель косится на среднего советника. Тому явно хочется спросить: а в какую столицу? Которому государю? Но — сдержался.

Старик продолжает:

— Потом представлю вас обоим ко двору. Тебя, — кивает он внуку, — там, конечно, и так уже знают. Но увидят в новом свете. Примчался за тысячу вёрст выручать деда... А ты, сынок, ради всех богов, не веди себя там, как в кабаке. Дитя, воспитанное матерью, но впитавшее почтительность к отцу... А что ты вёл простую жизнь и знаешь нужды народные, по твоей роже и так очевидно. Придумают вам подходящие должности, и я наконец буду за вас спокоен.

— А матушка? — спрашивает Киноварный.

— Я тут останусь, — говорит старушка. — У вас на востоке и ходят, и говорят не по-нашему. Позориться не хочу, а переучиваться поздно.

Да, представить её в роли столичной дамы... Пожалуй, она права.

— Надеюсь, Кудзу не подведёт, — пожевал губами Хранитель. — Отбыть мы должны втайне и путешествовать — незримо.

— Дело привычное! — откликнулся его сын.

Спрашивается: зачем?

Спрашивается: зачем было медлить так долго, отчего бы не вручить Государю его Тайну сразу после воцарения? Ждал знамений? А их не было. Проверял,

каким Властитель Земель себя покажет? Тогда что случилось полгода назад, что заметил Хранитель и что прошло мимо Полотняного приказа? Или младшие родичи должны были подготовиться к чрезвычайной службе? Любопытно, к какой. И как во дворце посмотрят на такой замысел: ввести новые должности под людей, а не под задачи. Если, конечно, эти задачи и не составляют Тайну.

Как-то самодостаточно получается: Тайна Государя Облачной страны заключается в том, что можно поручить младшей родне знатока этой самой Тайны. Тогда она всем давно известна. Каждый из глав больших домов тем делом и занимается, которое можно обустроить силами его чад и домочадцев. Так Конопляный дом ведаёт ныне назначениями жрецов и сыском, Полынный — защитой от демонов и внешними сношениями, а Обезьяний дом, например, — празднествами и общественными работами... И таких домов ещё шесть столичных да два десятка поземельных, роли меняются смотря по тому, какие дарования у кого в нынешнем поколении найдутся. Или народятся в старшем роду, или в младших его ветвях вплоть до простых селян, или набраны будут из числа переселенцев, прибывших из-за моря, из местных дикарей, сошедших с гор, и где только ещё на свете водятся люди. Нельзя же в Облачной державе быть китайцем, или варваром, или даже оборотнем, не состоя чьим-нибудь челядинцем. А на какие должности не хватает всех этих многочисленных людей, те занимают Государевы дядья, племянники, вся двоюродная и более дальняя родня Властителя дома.

Что они имеют в виду под незримым путешествием? Ехать по чужим подорожным? Или поддельные заказать? Или вообще добираться не по дороге, а окольными тропами, или, ещё вероятнее, по морю. Так или иначе, письмоводитель не собирается отпускать их без присмотра. Значит, если Государева дорога им не подходит, придётся всё продать, что

можно. Вот как всегда, кормилица Наммы и тут оказалась права, что нагрузила его тюком лишней одежды. И можно попробовать сколько-нибудь занять у господина Саймы.

А заявят они, что в лодке трёх мест не найдётся для писмоводителя и его спутников? Тогда придётся искать другую лодку. И это тоже нехорошо. Малая ладья, по крайней мере, или пойдёт вдоль самого берега, или уж перевернётся. Вместительное судно — это значит парусник, а на парусах много куда можно унести. Хоть в страну Сираги, хоть в державу То. И глупее всего, что Намма этого не поймёт, пока не причалят.

А Хранитель Государевой Тайны уже начинает собираться в путь. Слуг при нём тут нет, да и груза тоже — один ларец. Сын его и внук вовсе налегке — у одного всё в руках, у другого ещё и тыковки с лекарским припасом. Старуха взялась проводить их до берега. Сдержанная женщина: не засыпает своих мужчин тысячью добрых советов.

Прошли посёлок, выбрались к пристани, где лодки ждут — та, на которой Намма прибыл, и другая — видимо, среднего советника. Только между лодками и путешественниками расположились четверо крепких ребят. Двое с дубинами, один с шестом, четвёртый и вовсе в каждой руке по короткому прямому клинку держит. И лицо у него неприятно знакомое: это ведь он тогда в харчевне сидел — и усы те же, и шапочка дурацкая. Сейчас он выглядит совсем не так мирно. Шагнул вперёд, быстро сказал что-то непонятное. Средний советник поднимает брови, старец, наоборот, хмурит, бывшая солеварка раздражается воплями на том же чудном наречии. А Киноварный Старец, кажется, всё понял, вздыхает:

— Эх, не надо было при лодочниках о нашем серебре-то поминать...

— Без денег мы до Срединной Столицы не доберёмся, — озабоченно говорит Каратати-младший.
— Не кликнуть ли стражу?

— Кого? Это же здешняя стража и есть!

А больше похожи на морских разбойников. Сюра, кажется, понял так же, тянет потихоньку меч из ножен, глаза уже горят. Беда в том, что все остальные спутники Хранителя — безоружны. И сам Намма — без лука. Да и слишком близко уже грабители, чтоб лук натягивать.

— Давайте в лодку, господа, — говорит телохранитель. — Я их задержу.

Легко сказать — в лодку... Для этого надо обогнуть этих молодцов, при этом не получив по голове и не позволив захватить господина Хранителя в заложники. Каратати-младший поворачивается к деду с почтительным поклоном:

— Пожалуй на закорки!

Чуть помедлив, старец опирается на руку своей возлюбленной и ловко залезает на плечи внуку. Парень с шестом явно примеривается, как его достать, а усач уже на местном наречии повторяет:

— Серебро — дай! Сам — уходи! Все!

И прежде чем средний советник успевает ответить, Сюра бросается в бой. Разбойник, похоже, был к тому готов: принимает его длинный клинок на свои короткие, скрестив их перед собою. Урасака, гаркнув что-то неподобающее слуге из приличного дома, ухватывается за другой конец шеста, пытаясь его отобрать; солеварка, попятившись, подбирает что-то с земли. Пока парни с дубинами соображают, кого бить, оба Каратати успевают проскочить в промежуток между ними, а следом — Намма. Если старик сейчас свалится, то прямо на него...

Вот и лодка, Средний советник переваливает деда через борт. А эти гады лодочники стоят себе, как ни в чём не бывало, спокойно наблюдают за дракой, опершись на вёсла, переговариваются, ставки небось делают. Один небрежным движением уклонился от камня, запущенного старухой. Урасака шест вырвал-таки, крутится с ним — подойти к нему никто, впрочем, и не пытается. Киноварный старец делает

какой-то обезьяний прыжок; одной ногой пихнул разбойника с дубиной — промазал, в руке крутанул тыкву на бечёвке... Из неё сыплется какой-то порошок, летит по ветру, двое негодяев расчихались. Но главный и тот, что прежде был с шестом, а теперь взялся за нож, держатся по ветру. И, что хуже всего, Сюра уже ранен — из плеча хлещет, лицо тоже всё в крови, глаза заливают... Нельзя его тут бросить, даже если лодочники опомнятся!

Киноварник, конечно, хорошо придумал — или это не его выдумка? Что-то знакомое... Вспомнил!

Намма хватает среднего советника за рукав, дёргает. Трещат нитки, у письмоводителя в руках — кусок ткани, тяжёлый, со всем содержимым. Намма проверяет на глазах у всех: да, вот он, увесистый свёрток. Закручивает серебро в рукав, затягивает узлы, размахивается — и запускает подальше в море.

— Не будет вам добычи!

Конечно, теперь они могут рассвирепеть сугубо и всех перерезать. Только зачем?

— Будут ли храбрые блюстители Заячьего острова марать святой берег кровью из-за нашей одежды-обувки?

Похоже, не будут. Ещё одним ударом главный разбойник выбивает меч у шатающегося Сюры, говорит что-то сердитое, машет рукой — и остальные расступаются, открывают дорогу. Лодочники берутся за вёсла. Сюра, поддерживаемый Урасакой, нашаривает-таки на земле свой клинок, но атаман наступает на лезвие. Драться Намин телохранитель, кажется, уже не в состоянии; спотыкаясь, добредает до борта. За ними — Киноварный Старец, похоже, вполне довольный. Старуха машет им рукой, в которой ещё зажат камень. Обе лодки отваливают: в одной Намма и двое Каратати, в другой — остальные. То-то глупо выйдет, если нас всех по дороге утопят, думает письмоводитель. Нет, каждому Полотняному чиновнику совершенно необходимо уметь плавать!

На том берегу

На том берегу уже ждут. На отдалении — люди Кудзу, люди Сайма, носильщики господина Каратати. А у самой пристани — люди в должностном платье, а некоторые — и при оружии. Но это не святилищная стража. Значит...

— Государев Посланник рад приветствовать господина Хранителя и его спутников и просит незамедлительно проследовать в его палаты.

— Но... — начинает средний советник. — Глубочайше польщены, однако, извольте видеть, с нами — раненый, да и мы, увы, не смеем предстать перед Посланником в подобном виде...

Раненый — это кровь, кровь — это скверна, никак не уместная близ Государева родича. Да и что касается вида... Сам Хранитель, конечно, накинул тот, старый свой жалованный наряд, но и его внук, и Намма — никак не в придворном облачении, не набелённые, растрёпанные. Хотя, конечно, в должностных штанах, вдвое длиннее ног, от разбойников они бы и сами не ушли, и старца не унесли бы.

— Вынужден с прискорбием отметить: возражения неуместны, — ласково говорит старший из царевичевых людей, и охрана приходит в движение. Выбора нет — носилки уже наготове.

Путь долгий — через всю Западную столицу. Сюра уже, кажется, без сознания: слишком много крови потерял. Господин Каратати-младший сидит с обречённым видом, Урасака — с любопытным: он ведь и впрямь в первый раз в носилках путешествует. Хранитель Государевой Тайны совершенно невозмутим — и теперь видно, что сын на него всё же сильно похож.

Во дворце Посланника для гостей выделили отдельный дом в южной части сада. Приготовили баню, явился жрец, произвёл очищение сперва над теми, на ком нет ран и царапин, а только грязь. Лекарь тем временем перевязывал пострадавших и бранился: кто ж

так кровь унимает? Киноварный Старец не признался, кто. Потом очистили и их с Сурой. А Урасака, как оказалось, отделался синяками.

Царевич всем прислал подобающее платье — переодеться. Очень неловко! И тем более стыдно причёсываться чужим гребнем и краситься чужими белилами. А тут и щипцы есть, на случай, если кто бородой зарос. Дело тайное, можно понадеяться, что в Срединной столице хоть об этом не узнают...

Подкрепиться, однако, не прислали, отвели в другое здание в столовую. Всех, кроме Сюры и Урасаки. А там на возвышении сидит сам господин Посланник. Намма его прежде не видел, бумаги из Приказа передавал через чиновников. Да и вообще столь знатную особу лицом к лицу никогда не видел, только подола платьев, что можно заметить из земного поклона. Здесь царевич не прячется. Ростом невелик, если можно так сказать о потомке Великого Властителя, телосложения ещё более округлого, чем письмоводитель, смотрит величаво. Подле него, почти касаясь белыми рукавами его пятицветных рукавов, расположился господин Усаги. С белым зайцем на руках. Это кто: дитя его? Или особенно важный служащий, кто, собственно, и выследил всех? А по другую сторону от Посланника на том же помосте стоит плетённый короб. На нём очень прямо, бритой головою чуть не под потолок, восседает наставник Сайсин. Он-то тут зачем?

Должно быть, не только Намму это зрелище удивило. Царевич объясняет ласковым тягучим голосом:

— Мне нынче объяснили: негоже монаху возвещать Закон с места низшего, чем у мирян. Наставник утром меня пробудил и обличил, что я попустительствую злодейству. С кем ты там меня сравнивал?

— С царём Беспощадным, — напоминает монах.
— Когда Просветлённый пребывал в здешнем мире...

— О, да. Я усовестился и принял меры. Счастлив

видеть, что не запоздалые.

Слуги между тем разносят брагу и подносы. Перед главою храмового сыска ставят два: для него и для зайца.

— И где же ты пропадал, Хранитель? — спрашивает царевич.

Удивительно, но старик сохраняет вид бодрый и решительный.

— На Заячьем острове. По Государеву делу.

— Где? Нет такого острова. Ну да рассказывай дальше.

Тайны Хранитель не выдал, в остальном же поведал всё искренне: как покинул Срединную столицу в должный срок, как совершил паломничество, как был тайными знаменьями приведён на остров, где и обрёл искомое. Как почтительный сын и почтительный внук его разыскали, прислушиваясь к зову сердца, и представитель Полотняного приказа — тоже, ведомый чувством долга. Как на обратном пути всех их чуть не убили неизвестные недоброжелатели.

Как только дело дошло до схватки, Сайсин попробовал было вмешаться и пояснить причины этого злодеяния, но Царевич ему воспрепятствовал. Вроде бы и негромко говорит, и без напора — а не перебежьшь:

— Стало быть, тыква с порошками? И потом — серебро в воду? Воистину важно бывает отменное знание заморских летописей! Поистине увлекательная история!

Потом, покосившись на Усаги — или на зайца? — добавляет:

— Как прекрасно, что все тревоги для вас позади! Мой врач заверил, что жизнь раненых вне опасности, однако дальнейшие потрясения могут дурно сказаться на здоровье недужных и престарелых. Потому в Срединную столицу вы отправитесь под надёжной — и, разумеется, почётной — охраной. Чтоб больше не терялись.

Каратати-младший взглядывает на Намму с

видом: понятно. Разбойники, по его расчёту, видимо, тоже наняты Полотняным приказом.

Господин Хранитель возражений не имеет. Остальные тем более.

Решено, что гости двинутся в обратный путь, как только раненый сможет перенести тяготы путешествия. А до того могут пользоваться гостеприимством Посланника, вещи их будут доставлены сюда.

Наставник Сайсин, оказывается, тоже едет вместе с Хранителем. Дабы явить своё красноречие в Срединной столице и — что, по суждению царевича, послужит распространению Закона в Облачной стране, — провести прения кое с кем из учёных монахов горы Эй. На это благое дело Посланник уже выдал пожертвование.

Непросто исцелиться

Непросто исцелиться от ран, когда сердце разрываемо скорбью! В отведённых гостям покоях Урасаке едва ли не силой приходится держать на ложе обливающегося слезами телохранителя.

— Нет мне прощения! Молодого господина подверг опасности, почтенному старцу не послужил надёжной защитой — и, что хуже всего, даже не сложил в бою свою бесталанную голову! Пустите, пустите меня!

— Ну куда тебя пустить? — ворчит Урасака.

— Отправлюсь на Заячий остров, найду этих негодяев...

— Никто тебя не выпустит. А сбежишь — никто не перевезёт туда.

— Вплавь пущусь!

— А умеешь?

Сюра задумывается. Потом вновь начинает рвать на себе одежду:

— И сугубый позор — меч, пожалованный древле моему предку Конопляным господином, остался в поганных руках презренных лиходеев! Хуже того — под

стопою лиходея! О, дайте мне вернуть родовое оружие
— или уж умереть!

Намма даже не знает, что тут сказать. Но голос
подаёт Хранитель:

— *Если бы мог ты предутренной дымке подобно
истаять,* — скрипуче произносит от, — *пени в Столицу
твои лишь ветерок бы донёс.*

Сюра ошарашено замолкает. Потом вдруг
кланяется старику, насколько это возможно из
лежачего положения:

— Почтенный господин прав! Вдвойне постыдно
было бы мне трусливо уклониться от доклада господину
Асано о моих упущениях! Но меч... всё же меч...

Судя по тому, что на стихи он не ответил стихами,
Сюра ещё слишком слаб для новых сражений. Пусть
отлёживается.

Намма дня полтора промучился, пытаясь
завязать дочкин платок как было, в виде зайчика.
Понакрутил узлов, получается не похоже. То ли вол, то
ли шлем... Спросить у Сюры или у Урасаки, они, кажется,
умеют? Но каким дураком будет выглядеть
письмоводитель, вдобавок ко всему прежнему... И
промолчал.

Киноварный Старец, улучив время, спрашивает у
письмоводителя наедине:

— А что тогда царевич имел в виду? Ну, насчёт
заморских летописей?

— Так твою же отвагу. И хитроумие.

— Эээ... В каком смысле?

— Ну, как ты порошком из тыквы разбойников
ослепил.

— Да кабы ослепил! Но летописи при чём?

Ну, да. Сын солеварки рос в глуши, самоучкой.
Но неужели при здешнем обилии китайщины...

— «Записки звездочёта», глава о мстителях.

— И чего?

— Ещё до того как вы с племянником появились

— там, на острове — господин Хранитель помянул

государя Хату. Это древний китайский правитель.

— Знаю. Он бессмертия искал.

— Вот. А с подданными своими был крут, и один мятежный княжич нанял удальца Кэйки, чтоб тот государя зарубил.

— Угу. У них так бывает.

— Покушение почти удалось, но тут придворный врач кинул в Кэйки сумку с лекарским припасом, так что государь и его стража успели выхватить оружие. И отбились.

— Ну, вот. А я считал, я это сам придумал.

— Ты не только придумал, ты и меня надоумил. Тот удалец был человек бескорыстный, и когда княжич одаривал его серебром, кидался слитками в лягушек в пруду. Я вспомнил про это. И решил: если разбойникам деньги нужны — то пусть у нас этих денег не будет.

— Это верно, - кивает Киноварный Старец. — Там глубина в полтора шеста, они их давно достали. И все довольны. На восток-то нас повезут за казённый счёт. Спасибо за науку!

— Как приедем, — говорит письмоводитель, - ты всё-таки почитай «Записки звездочёта». Они хорошие.

— Попробую. А я тебе дам другую замечательную книгу. В ней вся суть мироздания. Называется...

Намма на слух не понял, как. Неучёный житель Запада, видно, слишком по-китайски произносит вслух письменные знаки, непривычно.

В обратный путь

В обратный путь удалось двинуться уже только на исходе лета. Всё это время гостеприимство царевича не оставляло желать лучшего. В Срединную Столицу был отправлен казённый гонец с предупреждением о том, что прибывшие оттуда чиновники задерживаются с ведома и по настоянию местных властей, так что средний советник Каратати даже вздохнул с облегчением. Господин Хранитель беседовал с Государевым посланником едва ли не каждый третий

вечер, безутешного Сюру ежедневно посещал лекарь, Сайсин, не полагаясь всецело на защиту со стороны Посланника, продолжал излагать всю правду о святилищных кознях для передачи в Столицу, даже Урасака познакомился с каким-то конюхом и рьяно обменивался с ним опытом. Скучнее всех оказалось письмоводителю. Книга, которую ему дал на дорогу Дзёхэй и до которой у Наммы только сейчас дошли руки, только расстроила: это оказался подробнейший справочник по всем примечательным местам на Закатной дороге. Возьмись письмоводитель за него раньше, это бы очень пригодилось, а сейчас... Во всяком случае, книга не могла отвлечь от назойливых и совершенно неуместных размышлений.

А именно: в чём же всё-таки состоит Государева тайна? Заговор ли это, о котором беспокоился средний советник? Непохоже, и сам Каратати, кажется, оставил такие помыслы. Нелады между Великим Святилищем и монахами? Тоже едва ли — для Сайсина они, конечно, остаются делом первостепенной важности, но на многолетнюю Государеву тайну не тянут. Само существование Заячьего острова с его китайцами, беззаконными торговцами и разбойниками, они же тамошняя стража? Но если остров — часть Облачной страны, то это не может быть тайной для Государева сердца, Властитель Земель и в Срединной столице чует его. Если же это — остров иноземный, пребывающий, однако, в опасной близости от державных рубежей, — то зачем было все эти годы сие скрывать? И почему такая тайна оказалась вверена на хранение именно господину Каратати-старшему? Или к здешним делам тайна вовсе не имеет отношения, а тут у Хранителя просто личные дела? Сомнений много, а посоветоваться ни с кем нельзя.

Наконец, отправились. В слезах простились с господином Кудзу, а Сайма собрал письмоводителю два короба подарков: главе Конопляного дома, самому Намме и ещё кое-каким столичным родичам и друзьям.

Двинулись по дороге, в сопровождении двух десятков людей Посланника. Почётная охрана — и глава её получил наказ занимать господина Хранителя и его спутников разговорами, чтобы оградить от бесед со встречными. Очень старался, хотя монах раза три или четыре всё-таки улизнул и пошёл проповедовать жителям Киноварных гор. Для господина Каратати-старшего выделен особый возок, часть пути его приходится толкать по склонам, вверх и вниз, а старика нести в носилках. До самого рубежа Облачного края, не особенно скрываясь, поезд сопровождал кто-то из родни господина Усаги. На заставе выскочил на дорогу в последний раз, подпрыгнул и исчез в травах.

Не успели ещё покраснеть листья клёнов, как впереди показалась Срединная столица.

Охрана не сразу отправилась восвояси. У неё множество поручений, например — сторожить Сайсина до тех пор, пока в храмах горы Эй ему подберут супротивника для прений и тот пришлёт вызов, а заодно крепких служек: для пущей честности учёного состязания.

Главу охраны принимают у себя в усадьбе Каратати. А четверо молодцов вместе с монахом временно поселились у письмоводителя Наммы. Тесно стало и очень неловко — когда чужим слышно весь шум с женской половины. А как же без шума? Письмоводитель едва не уморил жену, мать своих детей. Она ведь в разлуке с ним плакала неутешно, со дня его отъезда и до самого прибытия. Зачахла! И половину наставлений кормилицы Намма, как оказалось, забыл — и если бы не гостинцы от Саймы, совсем вышло бы глупо: ни тканей китайских не привёз бы, ни снадобий, ничего.

Сын вырос до неузнаваемости и научился сидеть. Правда, не подолгу. Девочка без отца отбилась от рук, успела потеряться — якобы ушла искать батюшку, и поймали её только на соседней улице. Откуда у неё заморские деньги, она письмоводителю объяснила:

- Поменялась!
- С кем? И на что?
- На колобок. С хорошим мальчиком.

Что за мальчик, установить не удалось даже путём строгого допроса. Намма-то думал, что у него есть в запасе ещё лет десять до того, как придётся следить, с кем из молодых людей его дочь видится тайком и обменивается подарками! Впрочем, госпожа Намма немедленно указала на то, что её супруг вообще слишком многое откладывает на потом и не отличается расторопностью. Спрашивается, кто вообще в этом доме должен приглядывать за малыми детьми? Полотняный приказ?

Однако девочка осталась довольна подтверждением, что её тряпочный заяц пригодился. И не расстроилась, что он остался жить с тамошними, западными зайцами. И теперь в большой чести у самого главного господина Усаги.

Сюра при первой возможности отправился доложиться в усадьбу господина Асано. И вскоре вернулся, чтобы проводить туда же и письмоводителя. За поясом у него — новый клинок в нарядных ножнах.

— Не взыскали за тот, что у разбойников остался?

— Увы, напротив. Строжайше запретили пускаться на поиски родового сокровища. Конопляный господин изволил молвить: прежде, Сюра, женись, детей себе на смену вырасти, а уж потом отправляйся за мечом, если захочешь. Сколько ж лет мне ещё томиться чувством невыполненного долга! Нужно срочно жениться.

Едва монах услышал имя — Асано — как подхватился и заявил, что не может упустить случая. Пойдёт и скажет всю правду главе Обрядовой палаты! Намма попробовал ему объяснить: кто без спросу врывается в дом Конопля, особенно будучи монахом, тот обычно горько потом жалеет. Но куда там! Сайсин и не ожидает радостей в здешнем мире, подобном зданию

горящему... Кыш отсюда, пожар ещё нам накликать! — велела кормилица, и монах увязался за письмоводителем.

В Срединной столице нет усадьбы строже, соразмернее во всех чертах, нежели подворье Конопляного господина. Прибывших дважды проверили на скверну, как перед входом во Дворец. И проводили: монаха — в семейную молельню, а младшего родича — к главе дома, для разговора наедине.

Намма отчитался, как положено, не поднимая головы. Видел только белый жреческий подол, жёлтые руки с белым веером. Господин Асано изволил в этот раз слушать молча. Веером не щёлкал, не прерывал. А когда письмоводитель выложил всё, что мог, молвил мягко, слегка скрипуче:

— Вопросы есть?

Слава всем богам! Это значит, у самого Конопляного господина вопросов не возникло.

— Посмею просить о разъяснении: так Заячий остров есть или его нету?

— Ответ прост. Возьми свиток вон в том бочонке.

Это список святилищ Облачной страны, всех, чьи боги в этом году присылают в Столицу дары к Урожайному обряду и получают ответные подношения от Государя. Три тысячи четыреста шесть святынь по всем шестидесяти шести областям державы. Намма читает, но ни Заячьего, ни острова Покинутых старух в списке не значится.

— Наша страна — Страна Богов, — напоминает господин Асано младшему родичу. — Нет в ней краёв, откуда боги не подают вестей потомку Великого Властителя Земель. Стало быть — нет такого острова.

Намма кланяется:

— Должен признать: святилищ я там и впрямь не видел. Кроме разве что кумирни мудреца Коси...

— Так, — Конопляный господин делает пометку на веере. — Это я учту.

И как бы небрежно продолжает:

— Что же до Государевой тайны...

Зря Намма рассчитывал, что невысказанный вопрос услышан не будет!

— ...То я позабочусь о том, чтобы тебе дозволили присутствовать на приёме Властителем Земель Хранителя оной Тайны. Усердие и рвение достойны подобающей награды.

Как-то зловеще это прозвучало... Но выбирать не приходится.

— Ступай, Садамити. Пусть этого монаха пригласят в сад — я с ним там прогуляюсь.

Не выслушивать же, действительно, главе Палаты Обрядов требований усадить беспокойного проповедника на высокое сиденье!

И уже в дверях до Наммы доносится, как господин Асано спрашивает — к счастью, сам себя:

— Но всё-таки — почему хризантемы?

Государь

Государь изволил выслушать Хранителя своей Тайны в Малой приёмной.

Гладко оструганное дерево, как вода, отражает красный, зелёный, белый, жёлтый, чёрный цвета полосатого занавеса. Так же окрашены одеяния Властителя Земель: дробятся, распадаются на яркие пятна. Высочайший лик скрыт за занавесом, видны платье и сложенные руки. И полосатый край сиденья в пядь высотой.

Письмоводитель так до последнего и не понимал, что будет удостоен чести видеть Государя всего в двадцати шагах. Хотя и знал, что чиновники Полотняного приказа допущены к Властителю все, вплоть до самых мелких. Сейчас он сидит дальше всех, у самого входа в приёмную. Впереди Хранитель, за ним его сын и внук, все трое подобающе одеты. Видно, последние дни Киноварного старца с утра до вечера учили, как носить придворное платье, и всё равно он старается не дышать. От усердия — может, так и лучше,

чем от волнения. Слева и справа перед Государем — двое высших сановников в багряном, у боковой стены глава Полотняного приказа с дощечкой наготове: записывать всё, что будет сказано.

Государь поводит рукавом, позволяя начинать речи. Отвесив очередной поклон, Хранитель начинает с почтительных благопожеланий. Потом переходит к сути:

— Дождавшись благоприятной поры, пустился в должное странствие; миновав реки и горы, достиг блаженного урочища. Вблизи дома Великого Властителя Земель посетил хризантемовый сад, ввиду Западного моря испросил сокровенный дар. Поддерживаемый почтительными детьми, не замедлил вернуться в Столицу; направляемый чувством долга, восторженно подношу ныне — Государеву Тайну!

И преподносит: склоняется ещё ниже и ставит что-то перед собой.

— Что это? — спрашивает правый сановник.

— Снадобье вечной жизни и доброго здравия, — отвечает Хранитель, не распрямляясь.

Намма должен был догадаться! Хризантемовый сад, старинное заморское предание. Верный слуга китайского государя в дальних горах встретил дивного отрока в этом саду и получил от него чудесное зелье бессмертия. Письмоводитель как-то не сталкивался с таким по службе, только дома привык, что женщины собирают осенью росу с хризантем, на долгую жизнь. Но вообще-то рассказ — из книг, должно быть, достоверный.

— И ты, Хранитель, испробовал его на себе, — не столько вопрошает, сколько предполагает левый сановник. — И годы твои свидетельствуют о его действенности?

— Уповаю на то.

Из-под занавеса появляется служитель, принимает на поднос — видно теперь, что тот самый ларчик. Ставит подле Государя и снова прячется.

Вот сейчас крышка откроется, а оттуда — какое-нибудь зловредное чудище. Или отравленный дым, или неизвестно что. И виноват будет писмоводитель, хуже того — весь Полотняный приказ и дом Асано.

Теперь из-под занавеса выбирается служилая дама. Склоняется так, чтобы загородить собой Властителя, открывает ларчик. Пока ничего не случилось. Дама разворачивается на коленях, подаёт Государю Тайну.

Властитель Земель подымает руку, длинными пальцами — все окрашены разноцветной пудрой — ворошит что там есть внутри. Судя по движению, не песок и не вата, а какая-то лёгкая труха. Лепестки сушёных хризантем? Достает нечто маленькое, чёрное, рассматривает, не поднося близко к лицу.

— Похоже на заячий помёт, — звучно раздаётся высочайшее слово. — И по запаху тоже.

А кто его знает, как должно пахнуть снадобье вечной жизни? По крайней мере, Киноварный Старец пока не хлопнулся об пол без чувств: наверное, всё идёт как задумано.

Государь бросает пилюлю обратно в ларчик. Дама закрывает крышку и ускользает по полу в темноту, куда-то за спину Государю.

— Признателен за труды, — молвит Властитель Земель.

Хранитель и его родня раздражаются благодарными слезами. Глава Полотняного приказа заслоняет глаза рукавом — не закапать бы ценные записи! А из Наммы, похоже, никогда не получится приличный чиновник, плакать вовремя он не умеет, хоть уже и взрослый. Багряное одеяние на правом сановнике легонько трясётся, не то от рыданий, не то — страшно предположить — он смеётся, ибо что-то понял.

— Да покоится в сокровищнице, — заключает Государь. — Срок жизни моей и власти да отмеряют боги. Надеюсь в должный час последовать за дедами моими и

пращурами.

Которые, как известно, все умерли. Иные, как прежний Государь, дожив до дряхлости, иные безвременно, а были и такие, кто в расцвете сил передавали державный обряд наследникам и удалялись от дел правления. Трудно понять, что выражает голос Властителя. Тут занавес — в помощь неопытным царедворцам, можно слушать, не видя лица. Говорил бы так гулко, безучастно кто-то из Государевых чиновников, письмоводитель решил бы, наверное: господину любопытно, с какой это стати ему пытаются навязать дело сверх его служебных обязанностей. И сверх возможностей: никто ведь в Облачной стране ещё не пробовал жить вечно, а если и пробовал, то не преуспел, а даже если и преуспел — не стал рассказывать, что получилось.

Пока все молчат.

— Столь долгие старания, — снова заговаривает Властитель, — заслуживают награды. Проси чего хочешь.

Глава Приказа так и записал.

— Оporою и подмогою мне в поисках служили сын и внук. Сам я стар, они же в самой поре для дальнейшей преданной службы Властителю Земель на достойных должностях, — Хранитель вновь кланяется, одновременно отвешивают поклоны господин Каратати-младший и Киноварный Старец.

Чего-то подобного Намма и ожидал — правда, неясно, это только ходатайство за младших родичей или в то же время прошение об отставке? Или намёк на то, что хорошо бы сделать должность Хранителя Государевой Тайны наследственной?

— Не стану распоряжаться чрезвычайной должностью, которая введена не мною, — отвечает Государь. — Что же до мест, установленных державным законом, то из них ныне одно свободно: старший советник Дворцового ведомства. Решите между собой, кто из дома Каратати возьмёт на себя эту службу.

Похоже, Хранителя и его родичей об этом заранее не предупредили. А значит, решать придётся тут, на месте. И в присутствии Государя не переговоришь друг с другом, даже не переглянешься. Намма, например, даже не знает, как долго в таких случаях допустимо молча раздумывать.

Первым тишину прерывает Киноварный Старец. Его западный выговор сейчас особенно заметен:

— Вдали от Столицы рождён, в глуши взращён, тёмн и необразован — никак не достоин принять столь высокое пожалование! Племянник мой, юноша образованный, сможет лучше послужить Властителю Земель во Дворце!

Средний советник, однако, его не поддерживает:

— По способностям и выслуге удостоен счастья занимать почётную должность на Государевой службе! Не смею притязать на большее прежде срока! Родич мой годы лишён был подобающих возможностей явить свою преданность — ему следует преодолеть свою робость!

Можно передохнуть — некоторое время сын и внук Хранителя будут учтиво отказываться в пользу друг друга от высокой чести. Письмоводителю, однако, начинает казаться, что их любезные препирательства затянулись — или так и надо? Может быть, оба ждут вмешательства Каратати-старшего? Но старик молчит. И Государь не торопит. Наконец, откуда-то из складок пёстро́го платья достаёт сложенный пятицветный веер, поднимает перед собою. Объявляет:

— Скромно и разумно, достойно похвалы. Властитель Земель никого не принуждает к службе против воли. Так что... Примите Государевы дары и да будет в набросках к летописи отмечена верность Хранителя Тайны и почтительность его младших родичей.

То есть что же: полный провал? Снадобье — в сокровищницу, всех Каратати — в списки притязателей на упоминание в летописи, а новых должностей никому не пожалуют? Искатели бессмертия чего-то не

рассчитали — или, наоборот, перестарались? И опять — обошлось без благого знамения, несмотря на обретение чудесного зелья?

Средний советник отвешивает земной поклон, его примеру, на миг замешкавшись, следует Киноварный Старец. А Хранитель, вопреки всем правилам и обычаям, сидит как сидел. Что трудно понять иначе чем как непозволительную дерзость. И молчит.

Пятицветный занавес тем временем опускается, скрывая Властителя Земель. Оба высших сановника с должной величавостью удаляются. Глава Полотняного приказа прячет табличку, из-за рукава пристально вглядывается в Хранителя и его родичей. Киноварный Старец и средний советник разгибаются, придвигаются к старику. И первым подаёт голос сын:

— Где моя тыква? Позовите лекаря!

Совершенно вопреки всем приличиям хватает старика за рукав — и тот вяло сползает ему на колени.

Ну вот, письмоводитель Намма. Дождался ты знамения! Хуже некуда.

Осмелюсь спросить

— Но осмелюсь спросить: почему?

Хранитель Государевой Тайны скончался спустя два дня после приёма во Дворце. Господин Каратати-младший блюдёт скорбное уединение. Киноварный Старец исчез. Сопровождающие от царевича отбыли восвояси. Сюра женится, в смысле подыскивает невесту, и занят этим так, что его не застать. Остался один письмоводитель Намма, и он недоумевает.

— Если уж осмелился, спрашивай внятно, — откликается Конопляный господин, перебирая планки веера. — Почему — что?

— Почему господин Хранитель столько времени ждал, прежде чем вручить Государю Тайну? Почему за

нею потребовалось ехать на запад лично ему, можно было ведь послать верного челядинца? Действительно ли это — пилюли бессмертия, и если да — то почему Государь пренебрёг ими?

— Государь не пренебрёг. Он изволил распорядиться поместить пилюли в сокровищницу. Это великая честь. Особенно учитывая, что бессмертие не дано ни людям, ни богам, — спокойно отвечает глава дома.

— Вот и монах Сайсин то же говорит. Что в мире суеты всё смертно, и искать надо не вечной жизни, а выхода за пределы...

— Главное, чтобы он сам не выходил за пределы. Разумного. На него уже жалуются.

— Значит, снадобье поддельное... Но хотя бы не ядовитое?

— Почему же поддельное? Насколько берусь судить — самое настоящее, по подлинным китайским прописям. Так что, конечно, ядовитое. Киноварь вообще куда менее полезна, чем обычно утверждают. Но, конечно, подделки теперь тоже распространятся. О Тайне говорит уже вся Столица.

Так. Кажется, письмоводитель начинает понимать.

— То есть монах всё-таки прав. Новое снадобье, необходимое каждому. И настоящие, неподдельные пилюли — только те, которые будут привезены из Западной столицы. Хорошо ещё, если не за святилищной печатью.

— Не думаю, — сухо говорит господин Асано, — что святилище Великого Властителя Земель в сговоре с Хранителем замышляло наводнить Облачную страну пилюлями. Но раз уж так сложилось — думаю, не преминет. Не столько само Великое Святилище, сколько те умельцы, что процветают под его покровительством. Вроде этого Киноварного Старца.

— Но если не на это рассчитывал господин Хранитель...

Конопляный господин открывает глаза чуть шире обычного. Но не надолго — не страшно.

— Господин Хранитель, насколько могу судить, рассчитывал сразу на многое. В какой-то мере — действительно продвинуть своих младших родичей. И, надо сказать, этот его замысел вполне мог бы удался — хотя бы наполовину. Сами виноваты. А главное — обратить благосклонный взор Государя к этому Заячьему острову и иным несуществующим местам. А таких у нас несколько.

— А это зачем?

— Полагаю, у него было две цели. Одна — благая. При прежнем правлении с таких вот пограничных пустот в казну поступали хоть какие-то доходы. Сейчас всё оседает у соседних наместников, в святилищах, в храмах. Государь мог бы изменить это, назначить чрезвычайного чиновника на тот же Заячий остров, придать ему заместителя из местных уроженцев — всё, как бывало в пору расширения державы. Думаю, об этих должностях для своих младших Каратати и мечтал. Вторая цель — проверить Государя. Дозволит ли Властитель Земель, чтобы ему указывали, сколькими землями ему властвовать и кому эти земли поручать. Дал бы слабину — так бы и слушался всю жизнь всех, кому не лень давать советы. Наподобие китайских правителей. Однако Государь явил твёрдость. И все мы лишний раз можем видеть, что случается с такими советчиками.

Никаких казней, у нас не Китай. Никого даже не увольняли. Потомку Великого Властителя достаточно не обрадоваться. Не отозваться песней, не просветлеть ликом. Бог, потомок богов! В голосе главы дома Асано, Государева деда по матери, слышна не суровость, а гордость.

Больше Намме спрашивать не хочется. Но Конопляный господин продолжает:

— А ты всё сделал правильно. Порученное тебе задание, конечно, перевыполнил — но это ничего.

Ничего.

Супруга писмоводителя и раньше говорила: можешь не возвращаться, бесчувственный дурак! И сегодня, кажется, настал день, когда Намма на самом деле не сможет войти в собственный дом. Там разбирают награду, пожалованную ему за поездку на Запад. Это вата. Два тюка, судя по тому, сколько её теперь, когда тюки размотали. В комнатах не помещается, выползает на крыльцо наподобие рыхлых облаков.

Ватой будут подбивать зимнюю одежду для всей семьи. Сейчас её делят на части, по размеру платьев, и это надолго.

Среди облаков резвится небожительница. И громко визжит.

— Забери её куда-нибудь! — кричит кормилица.

— На улицу, — ставит условие дочка.

В волосах полно ваты и мусора. Взор непреклонен.

Накинув дитяти на голову верхнее платье, писмоводитель выбирается за ворота.

— Хризантемовое снадобье! Для непочтительных детей! — объявляет разносчик.

— Зайка! — радостно показывает дитя.

И действительно, из-за плеча у торговца торчит бумажный стяг, а на нём Лунный заяц со зверским выражением на морде толчёт в ступе порошок бессмертия.

— Я почтительное дитя? — спрашивает барышня Намма.

Не опровергать же то, что ей целыми днями твердят матушка и кормилица. Писмоводитель покупает на пробу несколько шариков, но для начала пробует сам. Ничего: обычные сладкие бобы.